

СЕНТЯБРЬ 1925 ГОДА.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

SEPTEMBER, 1925.

PRICE 15C



RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

Оглавление

Классовая борьба и И. Р. М.	3 стр.
Элексир жизни или смерть	6 „
Марксистская утопия	10 „
Ленинизм и бакунизм	13 „

Исторический отдел:

Позиции анархистов в русской революции	18 „
--	------

Хроника международного революционного рабочего движения:

Блуждания французского синдикализма	22 „
С'езд шведских синдикалистов	23 „
Стачки в Дании	24 „
Резолюции 2-го с'езда М. Т. Р.	26 „

Россия:

Положение пролетариата в Сов. России	29 „
Тюрьма и ссылка	30 „
Жизнь организации И. Р. М.	31 „
Письмо в редакцию	32 „

Голос Труженика

GOLOS TRUZENIKA



[THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by the General Executive Board of the Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.50; на шесть месяцев — 80 центов.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.50 per year; 80 c. per six months.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

VOL. VII. No. 11.

SEPTEMBER, 1925.

PRICE 15C

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И И. Р. М.

Рабочий класс и класс хозяев не имеют между собой ничего общего. Между ними не может быть мира до тех пор, пока голод и нищета царят среди миллионов народа, а маленькая кучка, составляющая класс хозяев, пользуется всеми благами жизни.

(Программа И. Р. М.)

Основой программы Индустриальных Рабочих Мира является классовая борьба. Но кроме И. Р. М. имеются другие рабочие организации, более многочисленные и более сильные, которые отвергают классовую борьбу и в основу своей деятельности, своей программы кладут принцип **сотрудничества классов**. Есть и такие элементы в рабочей среде (самые отсталые и самые невежественные), которые даже ставят под сомнение самый факт существования классов, такие элементы группируются вокруг либеральной буржуазии и встречаются, но все реже и реже, и в анархической среде, главным образом в псевдоанархической среде, только в такой среде могут говорить, что «различные марксисты и синдикалисты делят людей на классы, в этом, быть может, и имеется какая-нибудь доля истины. Но это же деление не применимо, кажется, ни в коем случае к нам русским людям».

Таким образом, одни признают факт существования в современном обществе классов и классовой борьбы; другие, как например, Американская Федерация Труда, хотя и признают наличие классов, но полагают, что между ними должна происходить не борьба, а сотрудничество; третьи же... о третьих не стоит говорить, они сами не знают, что ими признается и что отрицается. Где же правда? Правда, повидимому, будет на стороне тех, кто правильно понял механизм современного общества. Но кто же его правильно понял — противники классовой борьбы или ее сторонники? И

к чему с логической неизбежностью приходят сторонники и противники классовой борьбы? Вот вопросы, над которыми следует задуматься каждому рабочему. Попробуем разобраться в них и дать на них ответ.

Прежде всего зададим себе вопрос — что мы ежедневно видим вокруг себя? С одной стороны мы видим людей тяжело работающих и изнывающих под тяжестью труда на улицах, в фабриках, рудниках, лесах, полях и т. д. Мы видим, что армия таких людей огромна, что, собственно говоря, вся современная жизнь зависит от того или иного их коллективного жеста... Мы, как отдельные единицы этой многочисленной армии, видим, знаем, чувствуем и понимаем их тяжелое положение, потому что сами испытываем на собственной шкуре последствия этого положения. С другой стороны мы видим и таких людей, которые вовсе не знают труда. Людей не работающих, но живущих в достатке, в холе и тепле; людей проводящих время, от рождения до гробовой доски, в удовольствиях. Далее мы видим, что люди первой категории ищут работу, но не из любви к ней, и если не находят — умирают от голода, от истощения, или на почве голода кончают самоубийством или попадают в тюрьму. Люди же второй категории, наоборот, ищут только удовольствий и жиреют от лени, тупеют и вырождаются от безделья. Для одних круг доступного узко ограничен, для других доступно все. Почему это? Как объяснить все это? Объяснение очень простое,

оно лежит в священном для буржуазии принципе частной собственности на орудия и средства производства. Рабочие не обладают орудиями и средствами производства, они владеют только рабочей силой и навыком в труде; орудия и средства производства находятся во владении нетрудовых элементов, они переходят к ним в порядке наследственного права. Наследуемый ими капитал есть результат многовекового грабежа, разбоя, воровства, обмана и вымогательства.

Отсюда каждому ясно, что современное общество, в силу права собственности, делится на два основных класса, на владельцев орудий и средств производства, т. е. на владельцев капитала — **капиталистов**, и на людей, владеющих только рабочей силой — **пролетариев**. Значит, современное общество — общество классовое.

Тем из рабочих, которые, подпадая под влияние корыстных или невежественных людей, вместе с ними утверждают, что поскольку невозможно между классами провести определенной, точной, разграничительной (демаркационной) линии, постольку нельзя и говорить о них, мы ответим словами Бакунина.

«Напрасно старались бы утешаться мыслью, что невозможно провести демаркационной линии между имущими и неимущими классами, так как эти классы смешиваются один с другим, посредством множества промежуточных и неуловимых оттенков.

«В естественном мире также не существуют демаркационных линий; тем не менее, существует вполне реальное различие между растениями и животными, между животным и человеком. Также точно и в человеческом обществе, несмотря на промежуточные звенья, делающие нечувствительным переход от одного политического и социального положения к другому, различие между классами очень определено и всякий сумеет различить родовую аристократию от аристократии денежной, высшую буржуазию от мелкой буржуазии, а эту последнюю от пролетариев фабрик и городов; также точно как крупного землевладельца от крестьянина собственника, собственноручно обрабатывающего землю, наконец, фермера от простого деревенского пролетария».

Некоторые, например, лидеры Американской Федерации Труда, утверждают, что между пролетариатом и буржуазией должно существовать сотрудничество, а не борьба, ибо эти классы взаимно дополняют друг друга и один без другого существовать не может. На чем основано это убеждение? Повидимому, на недоразумении, вы-

текающем из того факта, что капиталист, имея орудия и средства производства, не может ими пользоваться за отсутствием рабочей силы, которая только одна может оживить мертвый капитал и дать ему движение. Отсюда и делается вывод о необходимости сотрудничества. Теоретически это как будто и похоже на правду...

Помимо обычных рынков, где продаются всякого рода изделия и товары, имеется еще особый рынок, на котором продается только рабочая сила. На этом рынке встречаются капиталист и пролетарий. Но как они встречаются? Капиталист — как покупатель рабочей силы, а пролетарий — как продавец ее. Кому же неизвестно, что интересы продавца и покупателя не совпадают? Каждый знает, что покупатель стремится купить нужный ему товар как можно дешевле, а продавец продать как можно дороже. Но, говорят, в виду того, что в данном случае покупатель и продавец одинаково заинтересованы в сделке, то таковая происходит к обоюдному удовольствию на началах добровольного соглашения, на началах свободного труда. С первого взгляда кажется все хорошо и логично. Но стоит только немного внимательнее присмотреться ко всему этому и все эти буржуазные и антирабочие рассуждения предстанут перед нашим взглядом в совершенно ином освещении и мы увидим, что в жизни получается совсем не то, как это малюется в буржуазных учебниках политической экономии. Основываясь на принципе «свободы труда» и свободного договора капиталисты всех стран, при помощи государства и его органов — законодательные палаты, суды, полиция, тюрьма, войско — воспрещали рабочим организоваться в союзы. Конвент революционных якобинцев, например, издал специальный закон, по которому за организацию в союзы рабочие карались смертной казнью; судьи современной Северо-Американской республики, исходя из того же принципа, воспрещают пикетирование предприятий, где происходят забастовки, узаконивая тем самым штрейкбрехерство; более того, республиканские судьи удовлетворяют даже иски капиталистов, предъявляемые ими к рабочим союзам за убытки, причиненные стачкой. И все это потому, что рабочие нарушили-де «добровольное» соглашение. На этом же основании бастующих расстреливают сотнями правительственные войска и хозяйская стража. Но то же самое происходит, когда соглашение нарушает капиталист, когда он, например, понижает заработную плату или увеличивает число часов работы. Здесь опять виноваты рабочие: если не можешь и не хочешь продать дешево свой труд, ни-

кто тебя не неволит, не продавай, но не препятствуй продавать другим, это их добрая воля — так говорят капиталист и государство и созданные ими учреждения и мораль. Если бы рабочие были послушным стадом, то они давным-давно превратились бы в настоящих рабов. Потому что, если теоретически и кажется, что при купле-продаже рабочей силы совершается акт добровольного соглашения, то в действительности, на самом деле этого, конечно, нет. Добровольное соглашение при купле-продаже рабочей силы могло бы иметь место только в том случае, если бы договаривающиеся стороны находились в равных условиях. Договариваться может только равный с равным. Но этого-то как раз и нет при купле-продаже рабочей силы.

В каких условиях находится рабочий и в каких капиталист? Во-первых, как бы капиталист не нуждался в рабочей силе, ему не приходится ее разыскивать, ибо она сама приходит к воротам его предприятия и в числе гораздо большем, чем ему нужно. У него огромный выбор, вследствие чего здесь не наблюдается того торга, какой имеет место на обычном рынке, здесь не продавец назначает цену на свой товар, а покупатель-капиталист определяет его цену и не вступает даже с продавцом ни в какие переговоры. Рабочий может уйти. Да, конечно. Но, уйдя, он должен будет умирить голодом свою семью и самого себя. А фабрикант? Видел-ли кто, чтобы когда-либо фабрикант умирал от голода, потому что рабочая сила для него слишком дорога и он не в состоянии ее купить? Фабрикант, в противоположность рабочему, может выжидать благоприятных для него условий на рынке труда неопределенное время, ибо у него имеется достаточно украденной у пролетариев работы, перечеканенной в деньги. У него всегда шансы на выигрыш, особенно, когда рабочие неорганизованы; а организовать он им не дает, в этом ему помогает государство и предатели из среды самих же рабочих — лидеры реформистских союзов и политических партий. Благодаря всему этому, рабочий вынужден пойти «добровольно» на предложенные фабрикантом условия. Фабрикант, пользуясь этим, платит ему не полную цену за его работу, а лишь столько, чтобы рабочий не умирал с голода и мог, кое-как, сводить концы с концами. Украденная капиталистом часть стоимости труда рабочего (прибавочная стоимость) составляет его нетрудовой доход, и чем больше у него рабочих, тем больше его доход. Таким образом растут огромные состояния и вся экономическая жизнь сосредоточивается в руках определенного класса, а так как эко-

номическая форма порождает и соответственные политические, то выходит, что и в политической жизни хозяевами положения являются те, кто господствует в экономике. Это происходит не только там, где господствует диктатура буржуазии, но и там, где ее сменила «диктатура пролетариата». Там место капиталистов занимает государство, там тот-же самый принцип купли-продажи рабочей силы, там так-же выбрасывают рабочих на улицу, проводя локауты и так-же расстреливают стачечников; там так-же запрещается пикетирование, как здесь. Какое же может быть сотрудничество между пролетариатом и капиталистом-буржуа или государством-капиталистом? Какой общий интерес их может объединить? Никакого сотрудничества между классами не может, следовательно, быть, ибо у них нет никакого общего интереса. Следовательно, современное общество есть ни что иное, как организация господства немногих над огромным большинством. У господствующих и подвластных цели диаметрально противоположны — одни хотят увековечить господство, другие стремятся уничтожить его; одни стремятся сохранить неравенство, другие борются за установление равенства.

Итак, не сотрудничество, а борьба классов, не примирение, а постоянная война, война до полного уничтожения противника, его институтов, его орудий. Мы видим, что все, что полезно капиталисту — вредно пролетарию; что здорово пролетарию, то капиталисту смерть.

Что-же дорого капиталистам? Прежде всего право эксплуатации, освященное законом государства и им-же защищенное; затем, такая политическая система, которая вполне гармонизировала бы с экономической, т. е. право устанавливать законы для труда, прикрываясь мандатом народа, согласно которому они могут расстреливать народ. Значит, кто же прав? Правы Индустриальные Рабочие Мира, ибо они правильно поняли механизм современного общества; провозгласив, что классовая борьба кончится лишь с уничтожением классов, они зовут под свое знамя всех эксплуатируемых. Следовательно, классовая борьба — мерило революционности организаций и лиц. Тот, кто отрицает классовую борьбу, кто ее не углубляет, не может быть революционером; классовая борьба жизненно и логически ведет признающих ее к тому, чтобы быть, как мы сказали, **революционерами, и интернационалистами** — так как во всех странах у рабочих одни и те-же интересы и одни и те-же враги, и, следовательно, **антимилитаристами**, потому что всякая война — есть война за капита-

листические интересы, за преимущественное право эксплуатировать пролетариат той или иной национальной буржуазией; **антигосударственниками**, ибо при государстве-капиталисте классы остаются, остается классовое господство и неравенство, а революционный пролетариат стоит за равенство, следовательно, всякий признающий классовую борьбу к тому же еще **коммунист**. Но для того, чтобы обеспечить успех классовой борьбы, необходимо организоваться в возможно большее число, необходимо организоваться по индустриям, в индустриальные союзы, поэтому признающие классовую борьбу — **индустриалисты**.

Вот к чему ведет признание классовой борьбы, вот каков смысл первого пункта программы Индустриальных Рабочих Мира. Признание классовой борьбы без какого либо из указанных элементов есть половинчатое признание, ложное признание, ведущее пролетариат к поражениям, а не к победам. Итак, мы, рабочие, должны быть одновременно **революционерами, интернационалистами, антимилитаристами, антигосударственниками, коммунистами и индустриалистами**, а чтобы быть такими на деле, а не на словах, нужно входить в индустриальные союзы и строить их.

ЭЛЕКСИР ЖИЗНИ ИЛИ СМЕРТЬ

Природные запасы живых сил неограничены, большинство из них еще не использовано. Величайшие ученые наших дней, как выразился Ньютон, еще до сих пор напоминают детей, подбирающих камешки на берегах безграничного океана знаний и потенциальных сил.

На заре человеческой истории, много веков тому назад, астролог искал того, к чему стремилась наука темных веков, он искал эликсира жизни, один глоток которого сделал бы людей бессмертными. Он испробовал все, о чем он мог только подумать, но без успеха и только в конце его опыты привели к результатам. Он смешал серу, селитру и древесный уголь. Он имел около 80 процентов селитры в этой смеси и по равной части серы и угля. В конце концов, он думал, я нашел эликсир жизни. Но позднее эликсир нагрелся и взорвался. Открытый им эликсир жизни оказался порохом.

Века спустя, ученый рабочий производил опыты с паровой машиной. Он заявил: «наконец я решил проблему; решение ее принесет неограниченные блага человечеству. Она облегчит человеческий труд, сократит рабочие часы и сделает человека более полно правным господином вселенной». А машина развилась до пределов, о которых он не мог даже и мечтать, и в результате мы имеем безработицу.

В настоящее время ученые заняты поисками колоссальных запасов скрытых сил, чтобы облегчить труд и освободить тружеников от непосильных работ; найдут ли они эликсир жизни или же эликсир жизни — будет зависеть от того, будут ли организованы рабочие для жизни или же они будут оставаться неорганизованными и тем осудят себя на смерть.

Другие поиски астрологов, ученых тех

веков, которые уже канули в вечность, были направлены к превращению простых металлов в золото. Они не нашли этого способа. Но современная наука, которая революционизировала производство, со времени открытия радия, переходящего в другие элементы и в конце концов в свинец, знает, что в лаборатории природы такой процесс имеет место.

При исследовании атома, в связи с открытием радия, наука установила, что в нем заключена целая вселенная, которой нельзя увидеть даже чрез самые сильные микроскопы. Она нашла в атоме источник неистощимой энергии. Даже песчинки под нашими ногами представляют собою массы миллиардов мельчайших быстро движущихся частичек, некоторые из коих вращаются с быстротой 20.000 миль в секунду. Здесь кроется неограниченная сила, материал, благодаря которому могут быть совершены дальнейшие индустриальные революции. Горсть песка заключает в себе атомную энергию этих движущихся частичек достаточную для того, чтобы продвигнуть самый большой пароход вокруг земли. В песке, вмещающемся на кончике ножа, заключается достаточно силы, чтобы перетащить такой же пароход чрез Атлантический океан.

В «Литературном Сборнике» от 15 ноября 1924 г. мы находим статью: «Возможность открытия бесконечной энергии», из которой я привожу некоторые выдержки, как показатель того, что рабочим необходимо организоваться и организоваться сейчас:

Все ученые соглашаются, что огромные запасы энергии хранятся в атомной материи... Доктор Геролад Л. Вент, доцент химии и физики в Пенсильванском штатном Колледже, полагает, что он сделал первые шаги в

области использования этой энергии, он думает, что не далеко от намеченной цели. Если верить словам других, то он даже заявляет, что опыты, произведенные им, дают основание полагать, что он откроет секрет, и что ему удастся найти способ утилизации этой силы на пользу человечества.

Это означало бы открытие нового неизмеримого источника движущей силы, независимой от угля, нефти, гидро-электрической и всякой другой формы силы, известной в настоящее время. Так было заявлено доктором Вендтом и другими учеными на конгрессе Американского Об-ва Химии в Лафоллет Колледже, в Истон, в штате Пенсильвания. В своих опытах, как было напечатано в газете „Нью-Йорк Таймс“, д-р Вендт поместил тунгстеновую проволоку в трубку с безвоздушным пространством, через которую он пустил электрический ток определенной силы, в результате, другой конец трубки излучил больше силы тока, чем он употребил, а тунгстеновая проволока превратилась в гелий. Газета приводит следующую цитату из доклада д-ра Вендта:

„Я пользовался температурой в 60.000 градусов (по Фаренгейту) во всех моих опытах, а температура солнца равняется только 10.000 градусов; самая же жаркая звезда имеет температуру 40.000 градусов. До сих пор самая главная трудность заключалась в том, что мы не могли достичь достаточно высокой температуры в наших лабораториях, но в настоящее время мы в состоянии получить температуру более высокую, чем та, которой обладают самые горячие звезды. Для этой цели я пользовался электрической энергией напряжением в 100.000 вольт.

„Медь, золото и железо — элементы и до сих пор мы не могли превратить их в какие либо другие вещества. Это, однако, не значит, что такое превращение невозможно. У меня есть все основания полагать, что мне удастся освободить эту атомную энергию.

„Если я успею в своих попытках, это будет означать революцию в науке“...

* * *

«На пользу человечества»! Если рабочие не организуются, освобождение неограниченной энергии атомов не будет на благо человечества. Оно не будет лучшим электриком, чем порох или машина. Это не будет означать лучшей жизни, наоборот, это будет означать умножение лишений, бедноты, безработицы, рабства и смерти. Все рабочие в угольных шахтах станут излишними. Нефтяные источники всего мира перестанут служить игрушкой для капиталистической дипломатии; каждый нефтяник окажется без работы, а вместе с ним и те труженики, которые заняты на перегоночных заводах, а также и рабочие занятые перевозкой угля и нефти. Кочегары, машинисты на суше и на море станут ненужными.

Электро-технические постройки, сооружение гидро-электрических станций прекратилось бы. Более половины рабочих, занятых теперь, стали бы частью армии безработных. С другой стороны, богатства и роскошь владельцев индустрий возросли

бы до невероятных размеров и не знали бы границ, и вместе с тем возросли бы и лишения рабочих. Немногие, посаженные на золотые троны и обладающие влиянием и силой большей, чем все деспоты и тираны мира, стали бы господствовать над землей, как владельцы естественных сил природы, монархи машин, лорды земли. Каждый рабочий стал бы иностранцем на этой планете, разрушителем прав частной собственности и мог бы существовать только по милости или голодал бы в мире, которым владели бы немногие.

* * *

Если рабочие не организуются, то все большее и большее число женщин из рабочего класса вынуждены будут продавать свое тело и тем снискивать себе пропитание. Проституция вызывается двумя причинами: низкими заработками и безработицей среди женщин, а также низкими заработками и безработицей среди мужчин, которые идут к проституткам, потому что не в состоянии жениться. Имеется только два сорта животных во всей природе, которые не могут размножать свое потомство и поэтому не могут даже знать, какое счастье доставляет родителям ухаживание за своими детьми. Эти животные — мул и современный рабочий. Невозможность стать отцами и матерями говорит о безумии существующей социальной системы.

Если рабочие не организуются, преступность будет все время возрастать. Позади всех преступлений кроется преступление всех преступлений — капитализм. Зимой совершается больше преступлений, чем летом. Разница между этими временами года в этом отношении колоссальна. Почему? Криминологи, — такая же бесполезная группа лиц, как и экономисты, — не дают нам ответа. Они не смеют дать его. И не потому ли, что имеется тесная зависимость между холодной погодой и преступностью; между солнечным теплом и добродетелью? Да, между ними существует приблизительно такая же зависимость, как и между пятнами на солнце и безработицей. Причина же всего этого кроется в том, что миллионы рабочих отчаявшихся в результате голода, стекаются в города к зиме. Они объявляют войну против остального общества, которое первым объявило войну против них. Богатства, созданные ими и остальными рабочими, провоцируют их и насмехаются над ними из витрин городских магазинов. Они становятся преступниками, вместо того, чтобы организоваться для одного из величайших социальных актов, актов своего класса. Преступление анти-социальное, потому что оно — преступление и еще потому, что оно основано на индивидуализ-

ме, тогда как проблемы современного мира могут быть разрешены только при помощи организации. В одной газете я прочел, что в Онтарио, в Канаде, в декабре 1924 года, более 25 % всех преступлений, совершенных в провинции, были совершены с целью получения крова и пищи на зимнее время. Что же мы можем сказать после всего этого о такой социальной системе, в условиях которой безработные находят, что наказание за преступление является более сносным, чем вознаграждение за труд, которым очень часто бывает безработица? Что же можно сказать о рабочем классе, который предпочитает идти в тюрьму и жить там, чем организоваться?

До тех пор, пока рабочие не организованы правильно, на основе своих классовых интересов, пьянство должно возрастать. Люди, работающие благодаря отсутствию организации, подобно вьючным животным, или люди, живущие по причине безработицы, подобно животным, должны и пить, как изверги. Они хотят чувствовать в своих венах прежнюю силу, утраченную ими в индустрии благодаря переутомлению. Их богатая красная кровь была перелита в вены индустрии. Чтобы чувствовать себя вновь людьми, они должны возбуждать свои подорванные нервы спиртными напитками.

* * *

Употребление наркотических средств тоже должно будет возрастать пока продолжается индустриальная революция, а рабочие остаются неорганизованными. Тысячи рабочих ввергаются в пропасть, вырождаются и, в конце концов, теряют человеческий облик в безумном вертеле индустрии и в ужасах безработицы. Став таким образом подонками общества, утратив всякие надежды и стремления, разбитые и искаверканные продукты существующей системы, они лишь подтверждают правильность изречения Аристотеля, который говорил:

«Прежде всего, в жизни необходимо иметь все необходимое, а потом уже творить добродетель». Единственная добродетель раба, достойного свободы, это—добродетель создания организации для уничтожения рабства. Как наблюдатель социальных явлений, я долгое время вращался в рядах армии безработных. Я часами молился с сотнями безработных в миссионерских домах и представлял себе их мысли и стремления. Вместе с ними я спускался в бездны нищеты и лишений своего класса. Я знаком с силами, жертвами коих они являются, с силами, которые разрушают их, лишают их самоуважения, от чего они страдают. Я слышал их проклятия, которые были молитвами и их молитвы, которые бы-

ли проклятиями. Я могу понять даже наркотиков, зная среду, которая порождает их. Если бы я был вынужден пресмыкаться и нуждаться всю свою жизнь, подобно тому, как пресмыкаются и нуждаются тысячи безработных в настоящее время в богатейших странах мира; если бы я не имел надежд на будущее, надежд на организацию рабочих, вполне хладнокровно и спокойно я заявляю, что я покончил бы жизнь самоубийством; и если бы у меня не хватило смелости в силу слабости, я прибег бы к помощи наркотических средств, к помощи чего-либо, что-бы могло утолить мой голод, убить во мне сознание оскорбленной личности и потери последних следов самоуважения, а также скрыть то, во что превратил меня капитализм.

Нет более ужасного анти-социального преступления, более вопиющего, чем преступления того человека, который из побуждений к наживе, а такими побуждениями живет капитализм, торгует наркотическими средствами и разрушает человеческие организмы. Недавно я посетил зал судебных заседаний, где разбиралось дело китайца, обвинявшегося в торговле наркотическими средствами. Я не мог не испытывать отвращения к подобной торговле и к человеку, который обвинялся. Это отвращение было вызвано эмоцией более глубокой, чем сама мысль. Он был присужден к 7 годам тюремного заключения за продажу семи граммов опиума.

В то же время я вспомнил, что правительство, представляемое судьей, продало не семь граммов, а тонны опиума таким же китайцам под угрозой оружия. Тот факт, что китаец продал обратно гражданам этого правительства семь граммов, имел в себе элемент возмездия. Мне вспомнился капитализм, имеющий монополию на весь опиум в Индии и дающий концессии тем лицам, которые согласны засеивать мак. Я вспомнил, что это правительство продает ежегодно на рынках мира от 12 до 15 тысяч тонн опиума. Преступление китайца, как-бы не было оно ужасно, является ничем, по сравнению с преступлением капитализма, этого оптового торговца наркотиками.

Позднее мне пришла в голову и другая мысль. Китаец не виновен в моральном и физическом вырождении своих киндентов. Капитализм сделал то и другое; он предоставил опиум и создал для него рынок.

В этом зале я видел судью, честно стремившегося защитить общество от торговцев наркотическими средствами в условиях социальной системы, которая делает защиту общества невозможной. Когда я услышал приговор—семь лет тюрьмы за

семь граммов, я почувствовал, что очень скоро суд организованных рабочих в индустрии должен будет привлечь к ответственности торговца, который продает ежегодно 15 тысяч тонн и тем самым вынесет смертный приговор капитализму, обремененному в одежды полезного и созидającego класса общества.

Настоящее рабочих ужасно. Если они будут оставаться неорганизованными, их будущее будет еще более ужасным, так как их окружает полночь капитализма, вампиры капитализма пьют их кровь, жиреют на их крови и изнуряют их силы.

Оставаться неорганизованными — значит осуждать рабочий класс на самоубийство, осуждать на самоубийство все человечество и навсегда обречь мечты человечества на несбыточность.

Мы говорили об атомах, которые организовались и стали жизнью. Организованные человеческие атомы, слитые в индустриальный юнионизм, станут тоже жизнью и будут эволюционировать все к большим и высшим формам социальной жизни. Каждый мыслящий рабочий должен знать, что, подобно тому, как организация служит ключом для изучения прошлого, она также будет служить и ключом, который откроет для людей всего мира неисчислимые запасы природы, предоставит в их распоряжение все знания науки и делает машину силой, способствующей росту общества, а не задерживающей его. Всякий мыслящий рабочий должен знать, что человек, неорганизованный для более счастливых дней человечества, лежащих позади ночи капитализма — приверженец тьмы, является препятствием прогресса человечества, прогресса своего класса, членом которого он является.

Но рабочие организуются. Они должны организоваться. Машина, служащая теперь средством порабощения, указывает на путь к рабочей свободе, к кооперированному владению землей и средствами производства как на путь, выводящий из безумного вертепа стремлений к наживе и всех происков и преследований господствующего класса. Машина объединяет вокруг себя тысячи рабочих; она делает их равными для того, чтобы они могли видеть свою силу, как производителей богатств, как производителей тех вещей, которыми живет мир. Она указывает им, что сила, которую по своей невежественности они приписывают господствующему классу, — их сила, которой они, однако, не могут пользоваться за отсутствием организации. Машина указывает рабочим, что сила богатств, внушающая им трепет — не сила правящего

класса, а накопленные богатства, которые они сами произвели. Она указывает им, что деньги, которые, как они думают, обладают силой, ничто иное, как создание одной группы рабочих — шахтеров, а создатель всегда сильнее создаваемого; не золото, а люди, — свободные, потому что развитые до сознания свободы и сознания организации, необходимой для завоевания свободы, — должны быть основой цивилизации, заслуживающей своего названия.

Картина будущего, с капитализмом в седле и миром, стремящимся к уничтожению, очень мрачна. Чем больше мы всматриваемся в нее, тем мрачнее становится она. Но для нас, как для членов организации И. Р. М., организации нового общества, — ставшей необходимой в силу существующих условий и возможной чрез воспитание и организацию рабочих для освобождения, — мрак настоящего и будущего освещен мыслью о настоящем и надеждой на будущее. В том свете, который бросают И. Р. М. рабочему классу и индустриальному обществу наших дней, мы можем смотреть вперед и видеть позади мрака свет; позади ночи — зарю; позади индустриального рабства — индустриальную свободу; позади голодания детей и слез матерей, позади возрастающей агонии неимущего класса, мы можем видеть цели организованного рабочего класса. Мы можем видеть в безработице, несправедливости, неравенстве наших дней первые признаки рождающегося в муках нового социального порядка.

Рабочие мира должны организоваться. Организованные же они должны победить, так как стоя плечо к плечу, разумные и решительные, с ясной идеей и без боязни, труд будет высшей силой в этом мире. Сила в атомах, хотя она и неизмерима, будет казаться маленькой по сравнению с возможностями человеческих атомов в индустрии, которые смогут перестроить мир.

Чрез И. Р. М. наших дней, как чаялку организации будущего общества, мы можем видеть и стремиться к таким условиям, в которых машина не будет служить орудием уничтожения своих создателей, в которых силы природы будут работать на пользу человечества и каждый последующий год будет делать человека более полным обладателем земли и господином самого себя, будет развивать силы внутри его и силы вне его для большего прогресса всего человечества. Наука, освобожденная от оков немногих паразитов, осветит мир и надежды человечества на будущее. Искусство, освобожденное от служения голоду и возвеличения лжи, положит все свои

красоты у ног освобожденного человечества. Гении не будут умирать по чердакам; их богатства мысли и чувства теперь терятся, в то время как убийцы миллионов превозносятся и живут во дворцах. Гений, скованный теперь, завтра будет оглашать землю музыкой и петь свои песни. Неограниченный цензурой и неустрашимый он будет учить человечество. Поэзия, скованная теперь узами двуличия, совет более богатые гирлянды на пользу всего освобожденного человечества, чем те, которые возможны в условиях рабства.

Освобожденный от господства машины, пользующийся всеми силами природы, освобожденный от необходимости вести животную борьбу за существование, которая отошла в область прошлого — кто в таком случае сможет ограничить пределы стремлений человека?

Мы, как рабы, безжалостной индустриальной системы, мечтаем о свободе и о заре в капиталистической ночи. И эта мечта, основанная на научном анализе общества и машинного производства, сладка нам. Но наша мечта о свободе и о заре не основана на опыте свободы, а на опыте мрака. Мечта эта тускла по сравнению с тем, что Индустриальные Рабочие Мира смогут создать в свете будущего. Когда атом, под влиянием окружающих его сил, стал организоваться, подобно нам, он не знал, что при помощи организации он станет вселенной, потом жизнью, и что тогда эволюция жизни беспрепятственно будет шествовать вперед. Точно также, в результате нашей организации, имеются цели, которые пока лежат вне нашего понимания. Но мы знаем одно: когда человек перестанет расти, развиваться, звезды будут смотреть на

умирающий мир. Мы знаем, что движение — жизнь, покой — смерть.

Организоваться, показывать рабочим мира, что они должны тоже организоваться для жизни без хозяина и без раба, стремиться к системе, в которой просьба о хлебе не будет удовлетворена милостыней благотворителя, а стремление к свободе не будет пресечено ударом полицейской палки, значит стать на сторону будущего, стать частью социальной эволюции, быть живыми людьми. Это значит — быть достойным свободы, быть человеком, быть полезным для человечества, вместо того чтобы оставаться рабами, пригодными только для рабства.

Единственная надежда мира — организация рабочих. Все остальное — сплошное отчаяние, безработица, уничтожение и смерть.

И. Р. М. отрицают, что ионы человеческой эволюции, начиная с атомов, которые организовались, должны закончиться с индустриальными атомами, отказывающимися организоваться для того, чтобы жить. Они отрицают, что человек должен всегда оставаться испорченным, рабом, и убивать-ся машинами, которые он создал.

И. Р. М. призывают к кооперации рабочих всего мира, чтобы на безработицу ответить немедленным установлением 6-ти часового рабочего дня*), и устранением индустриального рабства организацией индустриальной свободы.

Дж. А. Макдональд.

*) Требование шестичасового рабочего дня принято на 2-ом конгрессе М. Т. Р. и внесено в программу. См. печатаемые в этом номере резолюции. — Редакция.

МАРКСИСТСКАЯ УТОПИЯ

Из области мечтаний и теоретической пропаганды осуществление социалистического идеала продвинулось к нам и стало ближайшей жизненной задачей. И если важно разобраться в вопросе о том, какие пути ведут прямее к цели и как лучше обеспечить победу, то еще важнее заняться тем, что делать **после** победы, чтобы результаты революции оказались наиболее прочными, а главное — чтобы они, действительно, повели за собою увеличение благосостояния и счастья людей. В настоящую минуту большинство социалистов (под этим названием я понимаю как социалистов-государственников всех толков, так и анархистов) довольствуются в этом отношении

провозглашением лозунга «диктатуры пролетариата», рассчитывая, что остальное — само приложится. Им кажется, будто бы он означает, что общественную жизнь управляют рабочие, что они становятся сами строителями своих судеб, что при «диктатуре пролетариата» над ними нет больше ни эксплуататоров труда, ни, вообще, господ. Так ли это, действительно, и каково истинное содержание этого старого лозунга?

Самые слова «диктатура пролетариата» заключают в себе неясность: диктатура всегда — неограниченная власть одного или немногих; как же можно представить себе диктатуру целого класса? Только од-

ним образом: класс управляет в лице своих представителей; господствует, собственно, не он, а некто от его имени говорящий, или избранный им, или просто считающий себя в праве действовать именем рабочих. Словом, во главе общества становится после революции новая власть — власть социалистической партии или одной какой-нибудь ее фракции, наиболее влиятельной — и эта власть берет на себя устройство судеб рабочего класса. Та часть пролетариата, которая сочувствует правящей партии, пользуется привилегиями — политическими и экономическими, вся же остальная масса не только не влияет на ход вещей, но и подвергается всяким стеснениям своей свободы и самостоятельности. В этом отношении, «диктатура пролетариата» — такая же фикция, как «власть народа» в современном демократическом государстве. И все то, что можно сказать в смысле критики представительной системы правления, власти большинства, парламентского строя и т. д., в такой же мере приложимо и к так называемой пролетарской диктатуре. Поэтому-то так и странно слышать нападки на демократический режим в Западной Европе и Америке со стороны тех, кто в свой политический идеал вводит решительно все те же самые недостатки — с прибавлением еще некоторых других, от которых западно-европейским рабочим делом долгой борьбы удалось избавиться.

Откуда же взялось это понятие «диктатура пролетариата»? Понятие это — старое и более всего ошибочно было бы думать, будто бы оно родилось из жизни, из опыта русской революции: оно — происхождения чисто-книжного и вытекает исключительно из марксистской теории, в том виде, как она была провозглашена еще в 40-х годах XIX-го века.

В основе понимания истории человечества с точки зрения марксизма лежит, как известно, мысль, что вся история представляет собою борьбу различных классов, сменяющих друг друга и оспаривающих друг у друга господство в обществе; смена же эта происходит в силу того, что совершенствуется техника и растут производительные силы общества и каждому моменту этого развития соответствуют свои классы. Например, когда общество живет главным образом земледелием, а промышленность и торговля мало развиты, господствует класс крупных помещиков, а под ним находится класс крепостных крестьян. Позднее, развивается городская промышленность; тогда рождается класс буржуазии и эксплуатируемый ею класс наемных рабочих. И в каждую эпоху политическая власть находится в руках того класса, кото-

рый господствует экономически; таким образом, буржуазия руководит теперь всею политическою жизнью Европы и Америки. Но вот на смену буржуазии является пролетариат; в его руки переходит, следовательно, и политическая власть; с этого момента, государство служит интересам нового господствующего класса, заботится о нем. Это господство и есть диктатура пролетариата. На это теоретическое построение сейчас же можно возразить: как может победа пролетариата считаться **сменю господствующего класса?** Над кем же он будет господствовать? Ведь революция возвысила самый униженный, эксплуатируемый класс, и, следовательно, уничтожила всякое классовое господство? На это у марксистов есть два ответа: один принципиальный, другой жизненный. Принципиальный ответ: да, классы уничтожаются с победою пролетариата, а так как государство всегда — выразитель господствующего класса, то и государство само собою уничтожается; будущее, следовательно, принадлежит анархическому обществу. Однако, как же согласовать это с практикою социал-демократии всех стран, а особенно большевизма в России? Тут является второй — и противоположный — практический ответ. Вытекает он из того, как марксисты представляют себе социалистический переворот.

Марксистская литература не богата описаниями перспектив будущего: слишком велика в ней для этого боязнь утопий. Но из того, что мы знаем, достаточно видно, что осуществление социализма предполагается растянутым на целый исторический период. В этот период классы еще продолжают существовать; существует и капиталистическая эксплуатация, но она **смягчается и ослабляется в пользу пролетариата**. Правительство покровительствует ему и делает положение буржуазии все более и более затруднительным; промышленность все более и более национализируется, переходит в руки государства. Это — как раз то, что Ленин в России называл «государственным капитализмом», необходимым для «промежуточного периода». На заре марксизма, в «Коммунистическом манифесте», Маркс и Энгельс наметили ряд мер, которые должно в этот период принять государство; а 50 лет спустя, Каутский, в своей «Социальной Революции», точно также изложил программу мероприятий, вроде прогрессивного налога на крупные доходы и состояния, мер против безработицы, национализации крупной земельной собственности и т. д. — словом, программу, не имеющую в себе, собственно, ничего социалистического и очень похожую на современ-

ные программы-минимум социал-демократических и даже просто радикальных партий.

«Диктатура пролетариата», это — политический режим того «переходного» периода, когда **социализма еще нет**; когда же он наступит, говорят нам марксисты, то его политическою формою будет **безгосударственность**.*) Очень приятно слышать, конечно, но и очень невероятно; мало того — совершенно невозможно, если будущее будет таким, какое готовят марксисты. Они оправдывают деспотизм государственной власти тем, что капитализм еще не совсем уничтожен, и обещают свободу тогда, когда у социализма не будет больше врагов. Но что это значит? Ведь врагами социализма господствующая партия считает не только действительных сторонников капиталистического строя, но и всех социалистов иного направления, чем она; с этой точки зрения, для полного торжества социализма — в России, скажем — нужно поголовное уничтожение, помимо всех буржуазно-мыслящих людей, еще и всех меньшевиков, с.-р.-ов, анархистов, синдикалистов, может быть какой-нибудь оппозиции в среде самой коммунистической партии, затем всех недовольных жителей городов и деревень. В результате этой небывалой чистки страна явится в таком виде: кучка правительственных лиц, а под нею безгласная запуганная масса. И вот этот-то момент и будет избран для уничтожения государства! Во-первых, кто его уничтожит? Никогда еще ни одно правительство не отказывалось от власти иначе, как под давлением: власть всегда ограничивали или революции, или страх перед ними; когда же бывало, чтобы правительство, достигшее максимума могущества, политического и экономического, пользующееся такою властью, о которой не мечтали никакие деспоты (полное отсутствие оппозиции!), вдруг добровольно отказалось от всего этого? Очевидно, это — невозможно. Полная свобода сразу после полного рабства, вообще — переход, который трудно себе представить, но даже, если его допустить, то для этого необходимо восстание, политическая революция. Но этого марксистская теория не допускает: такой революции, говорят они, не может быть там, где нет классов, а что государство-собственник есть ничто иное как такой же господствующий класс над наемниками пролетариями — с

этим марксисты, конечно, не согласятся. Словом, пресловутый «скачек из царства необходимости в царство свободы» представить себе нельзя; он — ничто иное, как приманка, нечто вроде рая и блаженства в загробной жизни.

В действительности, расширение государственных функций во время так называемого промежуточного периода ни к чему кроме отмирания всякой общественной самостоятельности привести не может, а, следовательно, чем дольше он длится, тем меньше вероятность осуществления идеала свободного общежития. Почему в ежедневной жизни, если человек хочет идти в одну сторону, он никогда не начинает с того, что идет в обратную, а в политике это кажется возможным и даже естественным? Вероятно потому, что мы верим словам, не вдумываясь в их реальное содержание, а еще потому, что такое туманное понятие, как «промежуточный период», избавляет ленивую человеческую мысль от необходимости искания новых, не рутинных путей.

На пути к нашему идеалу будут, конечно, периоды, которые можно назвать переходными, но, во-первых, они должны каждый раз прибавлять что-нибудь к достигнутой обществом степени равенства и свободы, а не убавлять; а, во-вторых, в нашей деятельности мы должны иметь в виду не их, а нашу конечную цель. Чем с большею настойчивостью мы будем стремиться к ней, тем большая доля наших идей претворится в жизнь и тем короче будут всякие переходные периоды.

М. Корн.

Теперь ясно почему **доктринерные революционеры**, имеющие целью низвержение существующих властей и порядков, чтобы на развалинах их основать свою собственную диктатуру, никогда не были и не будут врагами, а, напротив, всегда были и будут самыми горячими поборниками государства. Они только враги настоящих властей, потому что желают занять их место; враги настоящих политических учреждений, потому что они исключают возможность их диктатуры, но вместе с тем самые горячие друзья государственной власти, без удержания которой революция, освободив не на шутку народные массы, отняла бы у этого мнимо-революционного меньшинства всякую надежду заложить их в новую упряжь и облагодетельствовать их своими правительственными мерами.

М. Бакунин.

*) Интересно, что еще и теперь это говорится в России. См. ответы Сталина на вопросы студентов Свердловского университета.

Ленинизм и Бакунизм

Один из излюбленных приемов, которыми социал-демократы пользуются в своей борьбе против большевизма, таков: они объявляют большевизм отклонением от истинного учения Маркса, анархизмом, «воскресшим бакунизмом». Так, например, Гавронский в своем поверхностном сочинении «Баланс русской революции» пишет следующее: «Вся их (т. е. большевиков) идеология была насквозь проникнута идеями утопического социализма и даже настоящего анархизма». А социал-демократ проф. Кунов, в своем обширном труде о социалистической системе марксизма, делает следующее утверждение: «Теория большевизма, или, точнее, ленинизма, есть не что иное, как **возврат к бакунизму**». Были даже «своевременно» выпущены новые издания двух известных марксистских произведений, чтобы доказать, что Маркс и Энгельс еще тогда, когда они боролись с бакунизмом, отвергли и позднейший большевизм. Мы имеем в виду брошюру Энгельса: «Бакунисты за работой» и брошюру об Альянсе, изданием которой увенчались интриги, ведшиеся Марксом против бакунизма и противников авторитарного социализма. Об этих брошюрах Макс Неттлау, написавший биографию Бакунина, дает такой отзыв: «Я ничего не знаю более ложного, наполненного клеветами и извращениями чужих мыслей, чем эти произведения». Несмотря на то, что суждение об этих брошюрах таких, стоящих выше всякого подозрения, последователей Маркса, как Бернштейн, Франц Меринг (в его биографии Маркса) и Роберт Михельс, ничем не отличаются от отзыва Неттлау, тем не менее социал-демократический историк Вильгельм Блос снова издает «эту остроумную и мастерски написанную критику», как он выражается в написанном им предисловии, чтобы поразить ею большевизм заодно с анархизмом, так как эти учения он считает «близнецами». По его мнению, «современный большевизм не что иное, как прежний бакунизм». А между тем Блос мог бы прочесть в письме Бакунина к Франциску Мора, перепечатанном в переизданных им же брошюрах, следующее ясное и совсем не большевистское заявление Бакунина: «Мы с отвращением отвергаем принцип диктатуры, стремления к власти и авторитета; мы убеждены в том, что всякая политическая власть непременно является источником нравственной порчи правителей и причиной порабощения управляемых».

Не говоря уже о том, что анархизму не

за чем было воскресать в России, ибо он там продолжал жить, являясь, притом, противником марксистской теории, достаточно бросить взгляд на практику большевистской государственной диктатуры, чтобы понять, насколько неправдоподобно и смехотворно утверждение, будто большевизм и бакунизм одно и то же. С другой стороны, если мы и отмечаем тот факт, что во время русской революции имелись налицо сильные анархические тенденции, то ведь эти тенденции проявлялись как раз вопреки желаниям большевиков и были враждебны им. Не следует отождествлять русскую революцию с деятельностью партии большевиков. Если эта партия и присвоила себе некоторые анархические лозунги, то она сделала это лишь с той целью, чтобы с большей уверенностью добраться до власти на волнах революции и затем осуществить свои партийно-политические, государственно-социалистические, марксистские цели. Развитие русской революции и показало, действительно, что влияние анархистов уменьшалось по мере того, как упрочивалась власть большевистской партии. Кончилось это тем, что большевики не стали более терпеть анархической пропаганды и начали уничтожать анархические организации. Чека арестовывала анархистов, убивала их или высылала из революционной России за границу. Мало того, в конце концов, даже всякий, заподозренный в одном лишь сочувствии анархическим идеям, делался жертвою большевистского террора. Попытка социал-демократических профессоров и историков, анархический горизонт которых не простирался далее брошюр об Альянсе, доказать во что бы то ни стало, что большевизм не имеет ничего общего с марксизмом, во всяком случае должна быть признана совершенно неудачной. Да и в отношении применения принципа иезуитизма к политической практике эти социал-демократы также недалеко ушли от большевиков, с которыми они, как марксисты, все же «близнецы». Средство — т. е. самая вульгарная фальсификация истории — оправдывается с их точки зрения целью — борьбою против большевистской опасности. Ведь немецкому социал-демократу едва ли будет угрожать опасность развиться большевизмом, раз этот последний был заклеямен названием «анархизма».

Борьба из-за истинного толкования марксистского евангелия сводится главным образом к выяснению воззрений Маркса на

государство, в особенности же к разрешению вопроса о том, должно ли буржуазное государство быть уничтожено, или же оно должно быть «завоевано» легальными средствами. В этом последнем случае демократическое государство должно быть использовано для целей социалистических и сделаться «рычагом для осуществления социализма». В своей книге «Государство и революция» Ленин постарался доказать, что правильное понимание взглядов Маркса на роль государства в революции сводится к теории уничтожения государства. И, действительно, Ленин может ссылаться на различные заявления Маркса. Прежде всего в этом отношении должно быть принято во внимание написанное Марксом обращение генерального совета Интернационала к рабочим по поводу «Гражданской войны во Франции». В сущности говоря, принципы парижской коммуны вовсе не находились в согласии с государственно-социалистическими идеалами Маркса. Скорее уже эти принципы были родственными федералистическим теориям Бакунина и анти-авторитарного интернационала. Франц Меринг в своей книге о Марксе признает без всяких оговорок, что принятие Марксом парижской коммуны в сущности подтверждает то самое, что не уставал твердить Бакунин. Меринг даже видит главную причину того успеха, которым стала пользоваться агитация Бакунина, в сильном впечатлении, произведенном парижской коммуной на умы европейских рабочих. Маркс хвалил коммуны, которая «сокрушает современную государственную власть», полагает конец государственному насилию и означает победу принципа автономии и свободной федерации. «Коммунальное общественное устройство — так говорит Маркс в брошюре «Гражданская война во Франции» — вернуло бы общественному телу все силы, высосанные из него ранее «государством», этим паразитическим наростом, питающимся соками общества и стесняющим свободу движений этого последнего. Уже благодаря одному этому введение коммунального устройства положило бы начало возрождению Франции».

Во многих других местах брошюры ясно выражена та мысль, что старая государственная машина не может быть использована в целях осуществления социализма. Так, например, следующие слова не допускают никакого другого толкования: «Рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной». Эти же слова повторяются и в написанном Марксом и Энгельсом в 1872 г. предисловии к новому изданию «Коммунистического манифеста», причем указывается,

что в этом отношении Коммунистический манифест устарел. Подобное же воззрение проводится и в написанном Энгельсом в 1891 г. введении к брошюре «Гражданская война во Франции»: «Коммуна вынуждена была с самого начала признать, что рабочий класс, как только он завладел властью, не мог далее хозяйничать при помощи старой государственной машины»; что необходимо с одной стороны устранить эту машину, поскольку она служила для подавления свободы, с другой же стороны — защититься от собственных своих депутатов и чиновников. Маркс сам еще раз подчеркнул это понимание роли государства в своем письме к Кугельману, где он указывает еще на следующее место одного из своих сочинений: «Если ты заглянешь в последнюю главу моей книги «18-ое брюмера», то ты найдешь, что в ней я высказываю такой взгляд на то, какова должна быть следующая попытка революционеров во Франции: они не должны будут просто передать бюрократическо-милитаристическую машину из одних рук в другие, как это делалось до сих пор, а **сломать** эту машину; и это является предварительным условием всякой настоящей народной революции на континенте». Наряду с этими цитатами из сочинений Маркса, указывающими на необходимость уничтожения государственной машины, можно привести и разные другие места из его сочинений, где проглядывает его враждебное к государству, «анархическое» настроение, которое едва ли можно привести в согласие с прочими марксистскими теориями. Так, например, в «Ницше философии» мы читаем следующее: «Рабочий класс, по мере развития общественных отношений, поставит на место прежнего буржуазного общества ассоциацию, которая упразднит разделение на классы; и тогда уже не будет существовать политической власти в точном значении этого слова, так как политическая власть именно и является официальным выражением классовых противоречий внутри буржуазного общества». А в книге «Происхождение семьи» Энгельс пишет о том обществе будущего, которое организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей и сдает всю государственную машину в музей древностей. Однако между анархической тактикой осуществления безвластного общества и марксистской теорией «отмирания государства» есть большая разница. «Что касается вопроса об упразднении государства, т. е. вопроса о цели, то мы совершенно не отличаемся от анархистов» — говорит Ленин. Разница состоит в том, что анархисты хотят сделать свое отрицательное отношение к государ-

ству неотъемлемой частью своих методов борьбы и борются с утопическим взглядом, будто можно ожидать «отмирания» государства в результате создания новой — в теории лишь временной — формы государственной централизации. Ибо, согласно взгляду Ленина, то государство, которое «отмирает» и «разлагается», не есть прежнее буржуазное государство, этот паразитический нарост на общественном теле; Ленин имеет в виду не его, а пролетарское государство. — Неоспоримо, что Маркс говорил не о государстве, которое сосредоточивает в своих руках средства производства, а о государстве «отмирающем», о буржуазном государстве, которое должно быть сокрушено.

Ленин, связавший все это в единую теорию, в д а в а е м у ю им за истинный марксизм, сделал невозможную и, действительно, совершенно неудачную попытку подтвердить правильность этой своей теории ссылками на авторитет Маркса, приводя цитаты из его сочинения «Гражданская война во Франции». «Говоря об уничтожении государства парижской коммуной — так пишет Ленин — Маркс понимал под этим отнюдь не уничтожение государства самого по себе или централизации. Лишь головы, наполненные мелкобуржуазным суеверием преклонения перед государством, могут считать уничтожение буржуазного государственного механизма уничтожением централизации. Маркс централист». — В общем это последнее заявление Ленина, пожалуй, верно; однако этого пристрастия к централизации не заметно в «Гражданской войне во Франции». «В приведенных выше взглядах Маркса не содержится и следа федерализма» — говорит далее Ленин. Это утверждение уже неправильно само по себе; более того, если мы примем во внимание то, о чем умалчивает, или чего не цитирует Ленин, то утверждение это равносильно извращению взгляда Маркса. Можно, например, найти ясные следы федералистических взглядов в следующих рассуждениях Маркса, подобных которым можно было бы найти немало и в других местах цитируемого нами сочинения его:

«Не только управление городскими делами, но и вся инициатива, проявлявшаяся до того времени государством, были переданы в руки Коммуны»...

«Парижская коммуна должна была, разумеется, служить примером для всех крупных промышленных центров Франции. Как только коммунальные порядки были бы введены в Париже и второстепенных центрах, прежнему централистическому образу правления пришлось бы и в провинции ус-

тупить место самоуправлению производителей. Коммуна должна была быть политической формой, применяемой далее к самым маленьким деревушкам и т. д. Маркс чрезвычайно ясно излагает в книге «Гражданская война во Франции», что, в противоположность старой централизованной и централизующей государственной власти, основой нового общества должна была служить федерация автономных общин. Политической целью парижской коммуны, была, во всяком случае, не постоянно пропагандировавшаяся Марксом цель создания централизованного государства. Не совпадали с этой последней целью точно также и экономические идеи, нашедшие выражение в коммуне. Эти идеи Маркс также очень правильно охарактеризовал в следующих словах: «Она (т. е. коммуна) хотела сделать владение личной собственностью действительным фактом, превратив в орудие свободного и ассоциированного труда средства производства, землю и капитал, служащий в настоящее время преимущественно орудием порабощения и эксплуатации рабочих». — «Но ведь это — коммунизм», продолжает Маркс — «невозможный коммунизм!» — Совершенно верно, но это вовсе не тот коммунизм, который проповедовали Маркс и социалисты-государственники разных оттенков. Средства производства, являющиеся орудиями свободного и ассоциированного труда — а не сосредоточенные в руках государства — разве это скорее не коммунизм «мелкого буржуа» — Прудона или «бунтаря» — Бакунина?

Франц Меринг был совершенно прав, когда он писал о «Гражданской войне во Франции» следующее: «Как ни остроумны были отдельные частности в этих рассуждениях, однако они находились в известном противоречии с теми взглядами, которые Маркс и Энгельс защищали в течение целой четверти столетия и провозгласили еще в «Коммунистическом манифесте».

В «Гражданской войне во Франции» нельзя найти ни одного места, где Маркс указывал бы на необходимость создания новой государственной машины. Правда, там говорится, что единство нации не должно было быть нарушено, а, наоборот, должно было впервые осуществиться благодаря уничтожению государственной власти, выдававшей себя за воплощение этого единства, тогда как это последнее должно было быть организовано лишь в будущем, при помощи коммунального устройства. Не то, чтобы коммуны должны были образовывать федерацию; они просто должны были пользоваться правом автономного самоуправления в противоположность прежней

государственной, централизованной правительственной власти. В этом именно, как блестяще выяснил Маркс, состоял существенный принцип коммуны. Это была та «наконец открытая политическая форма», при помощи которой могло совершиться экономическое освобождение трудящихся. Ленин, во что бы то ни стало желавший найти признание централизма в теоретических построениях Маркса, открыл какой-то «добровольный» централизм: слияние коммун друг с другом с тою целью, чтобы сломить господство буржуазии и буржуазный государственный механизм! Как будто именно коммуна-то и не была последствием уничтожения государства и вообще могла осуществиться лишь благодаря упразднению централизма!

Ленин, конечно, и слышать не хотел об уничтожении централизма и государства самих по себе. Отсюда и проистекают его бессмысленные толкования относительно «добровольного централизма» и замалчивание важнейших рассуждений Маркса, носящих весьма федералистический характер.

Итак, если уже может идти речь о «возврате к бакунизму», то именно по поводу «Гражданской войны во Франции» Маркса!

В теории же Ленина нигде не говорится об отрицании государственного начала или хотя бы об ослаблении государственных функций, что одно могло бы оправдать сравнение этой теории с анархизмом. У Ленина речь всегда идет лишь о новой государственной централизации взамен прежней, «сокрушенной», буржуазной государственной машины. В своей «Азбуке коммунизма» Бухарин пишет следующее: «Революция уничтожила прежнюю и создала новую власть. Завоевание государственной власти является таким образом не завоевание прежней организации, а создание новой». А в «Московской программе», принятой на первом съезде Третьего Интернационала мы читаем такие слова:

«Победа пролетариата лежит в дезорганизации враждебной ему власти и в организации пролетарской власти; она состоит в уничтожении буржуазного и постройке пролетарского государственного механизма».

Лишь это вновь созданное пролетарское государство введет социализм, завладев средствами производства. «Вопрос заключается в том — говорится в «Новом коммунистическом манифесте» — кто окажется в будущем носителем **государственного производства**: империалистическое государство или же государство победоносного пролетариата». А это означает, что здесь ленинизм снова оказывается в полном согласии со взглядом Маркса, изложенным

им еще в 1848 году в «Коммунистическом манифесте», и согласно которому пролетариат воспользуется своим политическим господством для того, чтобы постепенно вырвать из рук буржуазии весь капитал и «сосредоточить все средства производства в руках государства».

Дело в том, что ленинизм является государственным социализмом чистойшей воды, и банкротство социализма в России, обнаружившееся в течение нескольких последних лет, является полным крушением этого ленинского государственного социализма, не имеющего ничего общего с анархизмом. Совершенно ошибочно, как это и указывалось многими революционерами, видеть в ленинизме «синтез» учений Маркса и Бакунина. Под непосредственным влиянием октябрьской революции такое понимание могло бы еще иметь некоторую призрачную правдоподобность. Лозунг октябрьской революции: «Вся власть советам», был действительно анархическим лозунгом. В противоположность политическим партиям и государству советы являлись выражением той идеи, что социализм может быть осуществлен лишь самими рабочими; в советах нашли проявление идеи самоорганизации, самостоятельности и самостоятельной инициативы, без которых немислимо социалистическое строительство. Идея советов была самым ясным воплощением руководящего принципа первого интернационала, гласящего, что освобождение рабочего класса может быть делом лишь самих рабочих. Как самоорганизация рабочих на принципе экономической жизни, советы были отрицанием политического принципа государственной организации, государственного социализма и теории так называемой диктатуры пролетариата. Для большевиков же лозунг «вся власть советам» означал: «вся власть должна быть в руках нашей партии», — а на практике это означало, что вся власть оказывалась в руках центрального комитета этой партии. Чем были для Ленина советы — это можно видеть из следующих слов, написанных им в 1918 году в его «Письме к американским рабочим»:

«Рабочие и крестьянские советы представляют собою новый тип государства, высший род демократии, особую форму диктатуры пролетариата, способ управления государством без буржуазии и в духе, враждебном буржуазии».

По мере того, как революция постепенно монополизировалась большевистской партией, советы становились все больше и больше карикатурой их первоначальной идеи и превращались в колесики нового государственного механизма и в исключи-

тельные и покорные органы правительственной партии.

Чтобы содействовать «отмиранию» государства, укрепляют его могущество силой власти до такой степени, что оно далеко превосходит могущество этой власти при царском режиме. Советская бюрократия, красная армия, Чека — функции страшной, небывалой централистической государственной диктатуры — вот к чему сводится на практике отмирание государства!

У Маркса, а не у Бакунина, заимствованное учение о том, что социализм может быть осуществлен лишь при помощи государства и его законов после того, как будет завоевана государственная власть. Это не что иное, как принцип якобинства. Должно ли это завоевание политической власти сопровождаться уничтожением старой политической машины, идет ли речь о старом, буржуазном государстве или же о новом, пролетарском, и должно ли это завоевание власти быть совершенно по «парламентскому» или же по «бунтарскому» способу — все это относится к вопросу о правильном истолковании текстов сочинений Маркса, о чем могут препираться ученые, специализировавшиеся на толковании этих сочинений. Нельзя однако не поддаться невольно известному непосредственному впечатлению, производимому этой борьбой из-за исключительного права пользования авторитетом Маркса. Ведь цитатами можно доказать все, что угодно! Все это обнаруживает лишь, в конце концов, внутренние противоречия марксизма, несовместимость его политических и экономических теорий.

Марксисты-реформисты указывают на то, что, хотя Маркс и говорил о «диктатуре», но он всегда понимал ее в смысле диктатуры большинства, в духе «Коммунистического манифеста», т. е. в том смысле, что пролетарское движение является самостоятельным движением огромного большинства в интересах этого огромного большинства — и что завоевание власти меньшинством не находится поэтому в согласии с учением Маркса. Но ведь в еще меньшем согласии оно находится с учением Бакунина!

Учение о том, что меньшинство должно произвести государственный переворот с целью завоевания политической власти и осуществления революционной диктатуры — это учение Бабефа, заимствованное от него Барбесом и Бланки, а в России проповедывавшееся Ткачевым.

Энгельс однажды дал следующую характеристику бланкистов, которая немногим

отличается от определения сущности большевизма:

«Воспитанные в школе заговоров, сдерживаемые соответствующей этому строгой дисциплиной, они (т. е. бланкисты) исходили из того взгляда, согласно которому сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей может не только захватить в благоприятный момент кормило правления, но и, проявляя великую, ни перед чем не останавливающуюся энергию, может продержаться у власти до тех пор, пока не удастся втянуть в революцию народные массы и сгруппировать их вокруг небольшой кучки руководящих личностей. Для этого необходима прежде всего самая строгая, диктаторская централизация всей власти в руках нового, революционного правительства».

Бакунин, наоборот, не желал завладеть «кормилом правления», а стремился к уничтожению государства, что он считал первым и необходимейшим условием освобождения труда. Все его учение сводилось как раз к борьбе с якобинским принципом, гласящим, что необходимо завоевать государственную власть для того, чтобы при помощи диктатуры ввести социализм. Согласно учению Бакунина, лишь после уничтожения государства общество будет в состоянии организовать на иных началах и притом не сверху вниз, согласно какой-нибудь диктаторской власти, или же согласно воле национального собрания, избранного на основании всеобщей подачи голосов. Это неизбежно привело бы к созданию нового государства, а следовательно, и к образованию новой правящей аристократии, т. е. целого класса людей, у которых нет ничего общего с народными массами. Эти люди несомненно начали бы снова эксплуатировать и подчинять себе народ под предлогом того, что этого требует народное благо или что это необходимо для спасения государства. Будущая общественная организация должна создаваться снизу вверх, на основе свободной ассоциации и федерации. Когда во имя социальной революции желают создавать государство, хотя бы временное, то тем самым создают реакцию и работают на пользу деспотизма, а не свободы. «Победа якобинцев, или бланкистов, была бы, таким образом, смертью революции». К большевизму применимы следующие слова, сказанные Домелой Ньювенгуйс о социал-демократии: «ее победа будет гибелью социализма».

Артур Мюллер-Ленинг.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Позиции анархистов в русской революции

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

б) Анархисты и Советы.

Для выяснения вопроса об отношении анархо-коммунистов к советам, мы будем продолжать пользоваться вышеуказанными протоколами первого (и последнего) анархо-коммунистического съезда.

В докладе секретариата В. Ф. А. К. этот вопрос был широко затронут. О роли советов и о работе в них анархистов мы находим в докладе следующее:

„Роль советов сводится не только к чисто властной правительственной деятельности, но и к деятельности культурно-просветительной и к новому экономическому устройству. В области культурно-просветительной и в экономической (по скольку они не противоречат принципам анархического коммунизма) *многие анархисты работают в советах. Они работают так, как работали бы при анархическом строе общества*, (!!) не примешивая к своей деятельности элементов насилия. Конечно, они не принимают участия в судебной, полицейской и т. п. деятельности (?) советов“ (стр. 18; курсив мой. — Г. М.)

Обращая внимание всех анти-синдикалистов на подчеркнутое мною. Здесь мы имеем признание со стороны самих анархо-коммунистов, что многие из них работали в советах. После этого признания, надеюсь, больше не будут приписывать работу в советах *только* анархо-синдикалистам. В дальнейшем изложении мы окончательно разобьем этот ложный взгляд.

Анархо-коммунисты работали в советах так, как они работали бы при Анархии... Здесь уместно будет спросить — неужели анархисты-коммунисты при анархическом строе общества будут заниматься реквизицией и перепродажей спекулянтским олухам, организацией отрядов для борьбы с „контр-революцией“ рязанских мужиков, что делал член В.Ц.И.К., Федор Горбоя? Неужели они организуют новый В. Ц. И. К., вхождение в который они так горячо и злобно защищали против нас, анархо-синдикалистов, в своем „писме в редакцию“? А ведь все это имело место у анархистов-коммунистов, работавших в советах, как бы при Анархии... Но об этом мы будем говорить ниже, а сейчас будем продолжать начатое рассмотрение интересующего нас вопроса.

„Советы разрушают и буржуазное государство и капиталистическое общество. В этом разрушении мы должны поддержать их“ (стр. 20).

Правильно! Советы разрушают буржуазное государство, больше того, они по своей структуре, по своему внутреннему принципу, развивающемуся свободно, вне рамок насилия, без давления пугамета и чека, разрушают всякое государство вообще и на его место ставят федерацию тысяч свободных, вольных советов... Но... но, если анархо-синдикалисты, уже два месяца спустя после ок-

тябрьского переворота, смогли разглядеть и указать, чем стали советы, (см. мою брошюру: „Советы... и наше к ним отношение“), то, думается, анархо-коммунисты не могли этого же не заметить к началу 1919 года... А они таки не заметили.

„Что касается до выборов наших товарищей во В. Ц. И. К., то многие товарищи считают такие выборы желательными. Круг таких товарищей растет, так как польза нахождения товарищей в Центральном Комитете признана ими за действительно существующую. Анархисты — члены Центрального Комитета не принимают участия в голосовании каких бы то ни было законов: анархист не может голосовать за или против (!) закона. Но роль информаторов очень важна для нас. Важен ли раз и протест против какого либо властного, пагубного для революции акта правительства. Затерявшимся в глухих местах анархистам важно иметь такое лицо, которое на виду у всех и к которому можно обратиться для установления связей: таким лицом может быть и являться анархист — член Ц. К. Такое лицо может оказывать услуги товарищам легче, чем кто либо другой“ (стр. 20).

Удивительно замечательная и сильная аргументация! И я, анти-парламентарист, уничтожен ею и ничего не могу возразить... Только мне чуточку непонятно, почему эти люди отказываются от роли информаторов в Парламенте, Охранке, Чеке и пр., где можно также не голосовать ни *за*, ни *против*, и работать, как бы при анархии, сохраняя руки чистыми при помощи... полотенца, мыла и воды? Хоть убейте, не могу этого понять, да и только! Однако, попробуем послушать дальше...

„Поясняя доклад секретариата, докладчик (А. А. Карелия) указывает, что сторонники высказанного мнения отнюдь не отрекаются от анархизма. (?) Государство социализм, как это и следовало ожидать, охватывает чуть-ли не все стороны человеческой жизни (и он еще сомневается!)—Г. М.) и от него не уйти. (?) Анархистам приходится таким образом идти в разные государственные учреждения для культурно-просветительной работы, для всякой другой, не носящей характера насилия, работы и с информационными целями. В борьбе с контр-революцией анархистам, (отказываясь от ненужных экспедиций), необходимо идти вместе с большевиками, тем более, что, ведя эту борьбу, *большевики подготавливают некоторым образом почву для анархизма*. Разрушительные задачи до некоторой степени сходятся, но там, где большевики хотят создать сильное государственной власти, у них социализм не выходит. Анархисты стоят за *советы*, но не за принудительную власть советов“ (стр. 21).

И все таки я не понимаю почему же А. А. Карелин и весь Секретариат В. Ф. А. К. не отказывается от анархизма. Мне, именно, так кажется, а они говорят, нет, не должно так казаться, ибо во В. Ц. И. К. мы не голосуем ни за, ни против... Но как же безгласные могут иногда настоять на отмене вредного с их точки зрения закона? И зачем нужно людям, принципиально безгласным, пришедшим только с информационными целями, иногда простотовать против какого либо *властного (?) закона*? И почему этот протест в стенах В. Ц. И. К. иной раз бывает важен? Повидимому мне, анархо-синдикалисту, этих деликатных вопросов не понять. В таком случае не буду ломать над ними голову и лучше коснусь другого.

Здесь я хочу коснуться одной несправедливости, двух мерок, которыми измеряются позиция В. Ф. А. К. и позиция... Гроссмана-Рощина. Последний стал „советским анархистом“ в 1919 году; его позиция — большевики делают за анархистов грязную работу. Отсюда вывод — полная поддержка большевиков; анархисты самоограничиваются пределами культурно-просветительской работы. Всероссий. Федер. А.-К. говорит тоже самое с 1918 года: „большевики готовят некоторым образом почву для анархизма“ и тот же самый вывод — „опшозия его величества“, культурно-просветительская работа, полная поддержка большевиков, по лозунгу: „вместе бить и вместе идти“. А насколько разное отношение к той и другому!

Спрашивается, почему, на каком основании?

* * *

Выше мы изложили позицию русских анархо-ком. в освещении доклада секретариата В. Ф. А. К. Теперь нужно рассмотреть как отнесся к такой позиции съезд; может быть между Секретариатом В. Ф. А. К. и членами всероссийского съезда не нашлось точек соприкосновения? Выяснить этот вопрос, значит, выяснить политическую физиономию съезда, а, следовательно, и физиономию русского анархо-коммунизма. К этому мы и приступим, для чего придется проанализировать работу съезда по его дебатам.

„Тов. Доктор соглашается с мнением докладчика“... он предлагает основные положения для работы в советах. В параграфах 2 и 5 этих положений говорится следующее:

„Работа а.-к. с большевиками вообще необходима для дальнейшего успеха идей коммунистического анархизма“. (параграф 2).

„Анархисты коммунисты, объединенные в федерацию должны выделить настоящий орган — совет, который на ряду с секретариатом, должен быть представителем федерации перед большевистским правительством во всех конфликтах, возникающих у а.-к. членов федерации при их совместной работе с большевиками“. (параграф 5, стр. 22).

В тех же тонах выдержана и речь Хрусталева (Худой), представлявшего Лефортовскую группу.

„Теперь, — говорит он, — нужно идти вместе (с большевиками) потому, что сейчас идет разрушение, а, раз так, то путь анархистов и большевиков один. Само собой разумеется, что в конечной своей цели — анархической коммуны, анархисты не сходятся с большевиками, но теперешнее поведение боль-

шевиков является как-бы подготовкой к этому“. (стр. 22).

„Участье же наших товарищей в В. Ц. И. К. необходимо. Находясь там, они будут указывать волю (!?), в то же время являясь для наших товарищей той точкой связи, которая так необходима анархистам“. (стр. 23).

Вот какова недавняя (на пороге 1919 г.) политическая физиономия наших теперешних р-р-революционеров и пожирателей синдикализма, подвизавшихся на страницах русской анархической прессы обоих Америк. Полюбуемся ими! Для них поведение большевиков на грани 1919 года, после повсеместного разгрома анархических организаций, после удушения анархо-синдикалистской прессы и прессы веручных анархистов, является „как-бы подготовкой“ к анархической коммуне! Что это — политическая незрелость, слепота или... или что? А какая превосходная защита представительства во В. Ц. И. К. — „они будут указывать волю“... Ну, и шутники же эти, анархо-указники!

„Нужно не уходить из советов, — продолжает Худой, — а работать в них так, чтобы они не бюрократизировались, а развивали самостоятельность масс“. (стр. 34).

Поистине, благородная задача — из собаки сделать льва... Анархо-синдикалисты уже в начале 1918 г. видели, что работать во всех советах это — все равно, что чистить Агвиевы конюшни и поэтому требовали не работы в них, а революции против них за подлинные, волевые советы, над которыми теперь так издевается наш анархо-указник и защитник представительства во В. Ц. И. К., т. е. в верховном органе государства, в парламенте.

Переходим к другому товарищу, к Н. Амбурскому.

„Власть и советская власть, говорит он, — чтобы там не говорили, для нас, бесспорно, имеет разницу“. (стр. 26).

„Существующая власть уничтожит сама себя, вернее она отбросит слово „власть“ и оставит слово „советы“. (стр. 27).

„Ко всему тому, что мы делали до сих пор нам остается прибавить: Товарищи, сидящие у власти, мы помогли вам сидеть у власти... — (какое признание! на каком же, собственно, основании а.-к. утверждают, что эта помощь большевикам оказана анархо-синдикалистами?)... мы до сих пор работали с вами во всех областях персонально, помогая вам в разрушении и в созидании — (как после этого могут утверждать, что только а.-с. помогали большевикам в созидании вообще, и в созидании „петли“ в частности?) — а теперь мы усилим нашу работу настолько, что будем работать с вами в советах и воочию убедим вас, что мы любим не только одну нашу идею, — как вы свою партийность и только — но мы любим народ!“ (стр. 27).

„Семственная работа в советах с „большевиками“ нас не должна устрашать... мы должны принять самое горячее участие в советах“. (стр. 28).

„Мы пойдем в советы, мы примем самое горячее участие в новом строительстве. Мы будем разрушать все старое, гнилое и строить новое, здоровое“...

„Задача анархистов в советах — непосредствен-

ное воздействие на власть путем проведения анархических идеалов. Входить в советы нужно не для пассивной роли.

„Участие в советах является необходимым посылку, поскольку анархисты будут служить „совместно с большевиками““. (стр. 29).

На „совести большевиков“ — какая почетная роль для а.-к.! — и прочей галиматие Н. Амбургского, которая очень характерна для а.-к. течения в русском анархизме, мы останавливаться не будем. Приведенная выше большая выдержка из двух его докладов говорит сама за себя, поэтому мы переходим к следующему оратору, принадлежащему ныне к „первомосовскому анархо-коммунизму“, к анархо-плакальщикам, к тов. Николину.

„Тов. Николин, отстаивая необходимость совместной работы, указывает, что если сейчас среди масс и есть недовольство советской властью, то там, где этой власти нет, наприм., в прифронтовой полосе, наблюдается обратное — массы стремятся к установлению советской власти. Самый же факт участия в советах не является фактом поддержки власти — работая там, анархисты будут проводить свои идеи и этим будет отличаться работа анархистов от работы большевиков. Говоря же о неурядицах этой власти совершенно забывают о ее достоинствах. Разве какая-нибудь власть станет считаться с желаниями масс, а между тем, настоящая власть считается. К тому же не всегда роль большевиков — регистрация требований масс, иногда большевистские законы опережают желания масс. Никто не говорит об участии в политически-законодательных учреждениях, — (а В. Ц. И. К. — это что?) — но участие в хозяйственных необходимо. И об этом необходимо сказать всем. Контр-революция развивается и раз большевики борются с ней, то и анархистам нужно примкнуть к этой борьбе. Единство революционного фронта требует, чтобы анархисты стояли на советской платформе и работа в советах будет меньшим злом, чем то, что анархисты не будут в них работать.“ (стр. 34).

Здесь все элементы того, что с 1919 г., с легкой руки тов. Барона, стали называть „советским анархизмом“, а в 1917 г. „анархо-большевизмом“. Только малая осведомленность в течениях русского анархизма и зоологический, фракционный патриотизм мог приклеивать эти клички, ставшими бранными, к незначительному правому крылу анархо-синдикализма и не замечать, что они не по адресу, что их нужно было адресовать, как раз к анархо-коммунизму. При изложении позиции анархо-синдикалистов, читатель в этом убедится, хотя в этом можно быть убежденным и сейчас, особенно после ознакомления со следующей речью тов. Т. — (Тюханов?).

„Тов. Т. (Тюханов?). По его мнению, все это происходит от того, что анархисты не разбираются в том, что есть большевики коммунисты и есть большевики карьеристы и их не нужно смешивать. Нет ничего удивительного, что с большевиками карьеристами нет возможности работать, они всецело заняты укреплением советской власти, но с большевиками коммунистами можно сговориться; нужно только найти общий язык, нужно только узнать, поче-

му они не понимают анархистов. Там же, где этот язык найден, там большевики не только не мешают анархистам, но зачастую даже помогают, в некоторых же местах и большевиков то нет. Если же анархисты уйдут в свою касту, то от этого они только проиграют; в случае же, если анархисты поймут большевиков, то анархия, как идеал, от этого только выиграет, потому что только тогда возможна широкая пропаганда, а если ее не будет, то массы никогда не поймут нас. Поэтому, с точки зрения целесообразности необходимо входить в советские учреждения. Не нужно бояться обвинений в контр-революционности — анархисты знают, что это неправда. Ц. И. К. нужно использовать как трибуну (!): там нужно проявлять свои хорошие стороны, (!!) чтобы Россия узнала, кто лучше. (!!!) К тому же чиновники большевики чутко прислушиваются к тому, что делается в центре. Для них бумажка из центра играет решающую роль и отношение к анархистам в центре тоже копируется ими. В советах же анархистам не нужно решающего голоса потому, что анархисты не хотят силой вводить коммунизм и если анархисты идут в советы, то не для творчества декретов. Анархисты не могут отвертеться от государства, так нужно войти в него, чтобы разложить его.“ (стр. 33; курсив мой—Г. М.).

Автор этой замечательной речи, в смысле неслыханного извращения анархизма, пробовал в течение двух лет сговариваться с большевиками, пробовал найти общий язык, в результате этих поисков попал в концентрационный лагерь, откуда бежал и затерялся в петах. Очень поучительно! Однако этот предметный урок не помешал прок А.-Коммунистической федерации, к которой он принадлежал. Водитель „анархо-коммунизма“ в России, А. Карелин, со товарищи, до сих пор сговаривается с большевиками и ищет общий язык, по крайней мере, об этом свидетельствуют их последние публичные выступления.

Здесь я обращаю внимание на подчеркнутую мною мысль, мысль чрезвычайно любопытную в устах анархо-коммуниста: анархисты не могут перескочить через государство, поэтому необходимо его признать, войти в него, т. е. в его учреждения и там, изнутри, постепенно его разрушать. Иначе, нужно признать переходную стадию, конкретно выраженную в форме социалистического государства, и изжить государство. Здесь Тюханов неосторожно, по-простяцки, вскрыл то, что затуманивалось В. Ф. А. К. и продолжает затуманиваться до сих пор. Какая колоссальная разница между нашей, анархо-синдикалистской, переходной стадией и ихней! У нас — несмотря на то, что некоторые товарищи, недостаточно хорошо продумавшие наше понимание перехода, говорят про нас, что мы государство уничтожаем и не уничтожаем, — у нас государство действительно уничтожается, заменяясь федерацией волевых общин, коммун, т. е. советов, а здесь государство остается, оно изживается и разрушается изнутри, постепенно. И это замечательно, это характерно для всех не анархо-синдикалистов. Кто кроме анархо-синдикалистов определенно и открыто заявил, что между капитализмом и анархо-коммунизмом лежит период, период перехода от первого ко второму, без которого мы не можем, если бы даже хотели, войти в царство анархии и коммунизма? Никто это-

то не сказал. Наоборот, это послужило причиной наименования нас меньшевиками и государственниками, особенно в этом направлении ныне старается Худой, рреволюционность которого мы выше обрисовали*)... Но, увы, все эти трижды революционеры, все эти 100%-ные коммунисты-анархисты, попросту говоря, — лгут. Сколько раз мне приходилось слышать от подобных индивидов, балстающих яркой белизной анархических риз, что анархизм, конечно, мол, возможен, но об осуществлении его нельзя и думать раньше как через 500—1000 лет... На что я всегда отвечал и отвечаю, что это — настоящая контр-революция... Революционной фразой прикрывается нереволюционная суть. Быть революционным фразером дело легкое и, конечно, выгодное... но не для анархизма. Мы же, анархо-синдикалисты, революционеры на деле; мы, так сказать, практики в анархизме и в революции, для нас важнее не фраза, а дело. Только последнее делает нас последовательными анархистами революционерами, тогда как первая многих анархо-коммунистов, в том числе и В. Ф. А. К., делает на деле неустойчивыми, бросающимися из стороны в сторону, мелодекламаторами, пышными фразами прикрывающими свою несостоятельность и свои извращения анархизма**). Разбираемый нами пример очень характерен. В самом деле, один, т. е. мы, анархо-синдикалисты, говорят о переходной стадии и действительно уничтожают государство; другие, анархо-коммунисты, горячо встают против переходной стадии на словах и признают ее на деле, — да еще какую уродливую и контр-революционную! — в форме социалистического государства. Однако, мы не будем сейчас говорить об этом столь важном вопросе современного анархизма; надеемся об этом поговорить специально, а сейчас вернемся к Всероссийскому съезду анархистов коммунистов.

Нам осталось прослушать заключительную речь официального докладчика В. Ф. А. К., ее секретаря, А. А. Карелина и узнать решение съезда по рассматриваемым нами вопросам.

„Тов. К. (Карелин) указывает, читаем мы в протоколе, — что у петроградских товарищей существует мнение, что Ц. И. К. является судебным учреждением. Этот взгляд не верен. На деле Ц. И. К. никогда не является таковым. Президиум Ц. И. К. иногда является кассационным учреждением, но при чем же здесь Ц. И. К.? (?) Что же касается пользы от участия в Ц. И. К. анархистов, то она несомненна. Иногда анархистам удастся изменить постановления, идущие в разрез с интересами масс. Так, наприм., благодаря протесту анархиста не прошел законо-

проект о переходе земли по наследству. (?) И роль анархистов в Ц. И. К. — громкие протесты на всю Россию, когда власть не считается с интересами народа. (!) Но если анархисты действительно хотят влиять на советы, то необходимо, как можно больше анархистов присылать представителями в Ц. И. К., хотя они и не принимают там участия в голосовании. Имеется и еще, очень важная сторона участия анархистов в Ц. И. К. Это защита наших товарищей при столкновении с властью — авторитетом члена Ц. И. К., что же касается появившегося (!?) отрицательного взгляда на участие в Ц. И. К., то виной этого — пропаганда газет „Анархия“ и „Буревестника“, которые так много кричали об этом“ (стр. 31).

Приведенная речь Карелина ставит нас в тупик. Что это — наивность мальчика в длинных штанах, простота ли, которая хуже воровства или хитрый умысел с корыстным расчетом? Во всяком случае, перед аудиторией так может говорить или глупец, или хитрец, прикидывающийся простачком, которому, однако, палец в рот не клади — откусит, или человек, который считает своих слушателей круглыми дураками и идиотами... Как можно говорить такие вещи, что президиум В. Ц. И. К. является высшим судебным учреждением, кассационным, а сам В. Ц. И. К. не является таковым. Кто же наделает президиум такими правами, как не Ц. И. К.? и кто его контролирует, как не он?

Люди идут в парламент (Ц. И. К.) быть статистами, информаторами для своей организации, они принципиально против голосования, — (Закрывая съезд, т. Карелин указал, что „это первый в мире анархический съезд, не принимавший никаких резолюций и в решении практических вопросов обещавший без голосования. Поэтому его можно считать первым действительно последовательным анархическим съездом“, стр. 48), — они против законодательства и в тоже самое время похваляются тем, что им иногда удается изменять некоторые законы и приводят пример, о котором, к слову сказать, никто никогда не слышал. Что-же это такое? Законодательствовать голосуя анархистам нельзя, а законодательствовать не голосуя можно? Мы, анархисты, против всякого парламентаризма, но трибуну В. Ц. И. К., в стране без свободы печати, мы должны использовать для „громких протестов на всю Россию“. Наши анархо-коммунисты же лали при болшевниках играть роль Керенского и Членда при царе в Государственной Думе. Как можно после этого отрекаться от парламентаризма и кричать об анархической непорочности? Одному Аллаху это ведомо. Защита товарищей авторитетом члена В. Ц. И. К.... Почему члена В. Ц. И. К., почему не авторитетом члена В. Ц. К.? Ведь, если уж говорить об авторитете, то авторитет члена президиума или коллегии В. Ц. К. куда более действительнее, чем члена В. Ц. И. К. Спрашивается, раз люди стали на такую точку зрения, то на каком, собственно, принципиальном основании они отказываются от использования В. Ц. К.? Человеку со здравыми рассуждениями этого не понять. И они это сами понимали, но боялись, стыдно, открыто об этом сказать.

Карелин, конечно, человек не глупый, он чувствовал убогость своего обоснования этой неанархической позиции и постарался прибегнуть к авторитету всего анархи-

*) К этому приложила руку и „Группа Русских Анархистов в Германии“. См. введение к брошюре: „Гонения на анархизм в Сов. России“, изданную этой группой. Любопытно знать теперешние позиции тов., принадлежавших к этой группе. Что-то от них стало пахнуть синдикализмом. В чем дело?

**) В известной мере это приложило и к парижскому журналу „Дело Труда“, издаваемое и сотрудниками которого сделали такой крутой поворот от махновщины через „единицы анархизма“ к анархо-синдикализму, с которым недавно вели среди американских групп ожесточенную „борьбу“.

ческого движения, которое яко-бы всегда стояло на этой позиции. Это желание видно из последней фразы его речи, где он говорит о „*полевизме*“, благодаря пропаганде „Анархия“ и „Буревестника“, отрицательном взгляде на представительство в В. Ц. И. К. Но мы должны заметить, что этот взгляд не *появился*, а был *всегда*, по крайней мере, его всегда держались анархо-синдикалисты и громадное количество смешанных анархических групп. Подтверждение этого мы найдем ниже, в документе анархистов-коммунистов, в котором они с пеной у рта защищали вхождение во В. Ц. И. К. от протестов анархо-синдикалистов и др. групп.

Переходим к заключительному аккорду дебатов съезда по рассматриваемым вопросам.

„Тов. Николин указывает, что, так как большин-

ство склоняется к вхождению в советы, то необходимо зафиксировать этот взгляд, дабы товарищи на местах знали об этом“ (стр. 31).

Такова позиция анархо-коммунистов. И пусть мне не говорят, что поступки В. Ф. А. К., которые недавно имели место — ошибка, всем, мол, свойственно ошибаться. Нет, это не ошибка, а логическое следствие их позиции, обрисованной нами, от которой они целиком до сих пор не отказываются. Теперь некоторым чувствительным нашим противникам должно быть понятно, почему мы, в предисловии к „Вместо Программы“, назвали тактику „некоторых водителей анархо-коммунизма“ — шарлатанской. Кто же назовет ее иначе? И это не ругань, а точное определение...

Г. Максимов.

Хроника международного революционного рабочего движения

БЛУЖДЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СИНДИКАЛИЗМА.

Неразбериха в лагере французского синдикального движения тянется уже несколько лет. С того времени, как произошел раскол во французской Всеобщей Конфедерации Труда и создалась Унитарная Конфедерация, раздробление сил шло все глубже и глубже. Несмотря на эти расколы, была надежда, что анти-государственные и анти-реформистские элементы встретятся, сомкнут ряды и вернут французский синдикализм к его до-военной репутации. Этого, однако, не только не случилось, но, наоборот, революционные синдикалисты Франции, охваченные страстным желанием единства профдвижения, распались по всем швам, кто в лес, кто по дрова. После изменческих и буквально преступных деяний Унитарной Конфедерации Труда, находящейся под непосредственным влиянием и руководством коммунистов, революционные синдикалисты решили отделиться от этой Конфедерации и объединить все силы, оппозиционные как к реформизму, так и к синдикало-коммунизму, в одну федерацию автономных синдикалистских единиц. Но и это оказалось невозможным. На конференции этих автономных союзов, состоявшейся 1-го ноября прошлого года, было решено создать Федеративный Союз Автономных Профсоюзов Франции, но с первого же дня его существования, самые крупные автономные союзы — а главным образом союз строительных рабочих Парижа и Федерация Строительных Союзов — отказались вступить в его состав и решили остаться самостоятельными, независимыми ни от какого национального объединения — т. е. возвратиться к давним давно отжившему „локализму“.

Такая раздробленность сил в рядах революционных синдикалистов еще больше усугубляла распыленность движения и породила у рядовых рабочих полную апатию, полную индифферентность к профессиональной жизни.

Беза в том, что вожди революционно-синдикалистского крыла французского рабочего движения убеждены, что единственное спасение — это создание единой организации, объединяющей реформистов, коммунистов и рев. синдикалистов, т. е. выставление того-же лозунга, который

так излюблен коммунистами. Последние, как известно, решили ликвидировать пресловутый Профинтерн, слить Унитарную Конфедерацию с реформистской и В. Ц. С. П. С. влить в Амстердамский Интернационал! Все это делается *внешне* — ради лозунга единства, а по *существу* — ради еще большего раскалывания профдвижения с целью его захвата. Если это им удастся, то можно быть уверенным, что и реформисты и революционные синдикалисты будут выброшены в два счета. А если не удастся, то жизнь внутри профсоюзов станет невыносимой, и атмосфера будет насыщена политиканством и интригами.

Недавно состоялась еще одна конференция Федеративного Союза Автономных Профсоюзов. Вызвана она была именно предположением, что на ближайших съездах обеих конфедераций вопрос о единстве будет окончательно разрешен в положительную сторону, и что автономной федерации необходимо определить свои позиции. Фетиш фиктивного единства все еще царствует в среде „автономистов“, но начинают проскальзывать и здоровые „опаски“ за дальнейшее. Вот те части резолюции по этому вопросу, которые показывают эту нерешительность и двойственность:

„Конференция, являясь верной выразительницей синдикализма, провозглашает, что единство должно быть проведено, как можно скорее, как в национальном, так и в интернациональном масштабе.

„Тем не менее, конференция утверждает, что она может поддержать только *искреннее и преданное единство*“), способное вновь возвратить рабочему движению его прежнюю мощь.

„Такое единство возможно лишь при условии уничтожения причин раскола, полного устранения причин, благодаря которым разные национальные и международные группировки синдикализма противопоставляются друг другу“.

Уже здесь видно насколько утопичны наши француз-

*) Курсив наш. А. Ш.

ские товарищи, думающие, что возможно, при настоящей остроте борьбы течений и идеологий, ликвидировать как реформистский синдикализм, так и анархо-синдикализм и большевистский коммунизм одним мановением „автономистского“ жезла.

Однако, успех достигнут, и французские товарищи сами понимают безнадежность задачи. И резолюция продолжает:

„Конференция считает необходимым дальнейшее существование Федеративного Союза Автономных Профсоюзов на настоящих его началах впредь до конфедеральных съездов.

„Если, после этих съездов, единство не будет создано (здесь имеется в виду единство, созданное на основе указанных выше оговорок. А. Ш.), то конференция считает необходимым тогда *усилить* национальную связь, каковой является Ф. С. А. П., и преобразовать его в прочный организм, основной заботой которого будет единство...

„Конференция также решает созвать автономные союзы после конфедеральных съездов. На этом съезде *будет* поставлен вопрос о *международной связи**), если к кон-

цу августа единство не будет создано.

„Пока-же, в целях обеспечения связи с *синдикалистами других стран**), конференция поручает Исполнительной Комиссии держаться в постоянной связи со всеми *синдикалистскими объединениями этих стран**)“.

Эта резолюция показывает два важных момента в процессе проветривания, начинающемся в рядах французских товарищей. Во-первых, что вера в искреннее единство продвижения ослабевает, хотя еще держит их в своих тисках; и, во-вторых, что ни одно продвижение не может долго оставаться без международной организационной связи. Рабочее движение всех стран настолько тесно связано, что объединение на международной почве становится также необходимым, как и объединение в национальном масштабе.

А пока — поживем и увидим... Через месяц пресловутое единство будет, по всей вероятности, совершившимся фактом; но это будет единство фиктивное, неискреннее, подложное. Надеемся, что это поймут и французские революционные синдикалисты. Ну, а если они этого теперь не поймут, то они это поймут через год.

А. Шатиро.

Июль, 1925.

СЪЕЗД ШВЕДСКИХ СИНДИКАЛИСТОВ.

Шведские синдикалисты, объединенные в „Шведской Центральной Рабочей Организации“ (S. A. C.), призывающей к Международному Товариществу Рабочих, в день Тройцы этого года, имели свой седьмой конгресс. На съезде присутствовал 161 делегат от 324 местных организаций, объединяющих круглым счетом 40.000 рабочих. Международное Товарищество Рабочих на съезде было представлено *Августиним Зуки*.

Дебаты по отчету исполнительного бюро и редакционной коллегии носили оживленный и деловой характер. Между прочим, был затронут вопрос о предоставлении в ежедневной газете „Arbetaren“ („Рабочий“) одной страницы для коммунистической партии, отколовшейся от Москвы. Линию поведения редакционной коллегии, отказавшей коммунистам, конгресс одобрил. Здесь мы имеем явное доказательство того, что московские коммунистические партии внутри синдикалистского движения Швеции не имеют никакого влияния. По этому вопросу конгресс принял резолюцию, вполне сходную в своих основных пунктах с подобной же резолюцией 2-го Конгресса М. Т. Р., происходившего в Амстердаме (Голландия). — Конгресс шведских синдикалистов постановил пригласить к совместной работе Младсо-социалистическую партию (союз шведских анархистов). Этим самым конгресс выразил мнение, что между парламентскими политическими партиями, стремящимися к завоеванию или перенятию в свои руки политической власти и теми, которые стремятся к уничтожению всякого центрального правительства, государства и капитализма, имеется существенное различие.

После этого конгресс приступил к обсуждению важных вопросов шведского рабочего движения. Линия поведения S. A. C. по отношению к реформистским союзам — был важнейшим вопросом съезда. По этому вопросу, после основательной и длительной дискуссии, была принята резолюция, в которой констатировалось, что рабочий класс

в состоянии побороть капиталистическую систему и окончательно победить только путем *солидарности*, объединяющей весь класс. Борьбу можно вести только в экономической области. Синдикализм утверждает, что наемные рабочие должны вести эту борьбу объединенными и солидарными усилиями. Конгресс вынес пожелание, чтобы различные рабочие организации, близко стоящие друг к другу и признающие классовую борьбу, работали сообща, если этого требует борьба, — при условии, конечно, сохранения самостоятельности каждой. Каждая организация имеет одинаковое право во всех случаях сама определять свою тактику, средства борьбы и свое отношение к предпринимателю. Никакая организация не обязана принимать инструкции какой-либо другой. Конгресс установил следующую линию поведения, которой должны придерживаться организации, если в их местности имеются реформистские или иные союзы: там, где не встречается надобности в сговоре, право окончательно решения оставляется, в принципе, за той организацией, члены которой на месте производства, где протекает борьба, составляют большинство. Члены всякой организации, находящейся в меньшинстве, должны в таких случаях подчиняться решению большинства. Если же меры, принятые большинством (какого-либо предприятия), направлены на то, чтобы принудить членов организации меньшинства (синдикалистов) к вступлению в ряды организации-большинства (реформистской) или к удалению их с работы, чтобы этим расколоть организацию, тогда от организации-меньшинства не может быть требуема никакая бы то ни было солидарность.

Поводом принятия такого решения послужила тактика реформистских союзов в недавнем прошлом. Реформистские союзы, около года тому назад, предприняли борьбу с синдикалистами с целью уничтожения их организации. Вожди реформистских союзов призывали своих членов не только не работать вместе с синдикалистами, но да-

*) Курсив наш. А. Ш.

же принуждать их к вступлению в ряды реформистских союзов. Случалось даже, что там, где реформистам не удавалось принудить синдикалистов к вступлению в их ряды, они объявляли стачки, преследовавшие единственную цель — изгнание синдикалистов из мастерских. И когда синдикалисты отказывались поддерживать направленную против них стачку, их объявляли штрейкбрехерами. Однако, наступление реформистов на синдикалистов не только потерпело полный крах, но синдикалистское движение от этого даже еще выиграло.

На с'езде обсуждался вопрос о коллективном договоре. Этот вопрос в последнее время имел для шведских синдикалистов большое практическое значение. В виду того, что в северной Швеции синдикалистские организации в большинстве случаев ведут решительную и самостоятельную борьбу против предпринимателей, то возник вопрос, — не следует ли там, где синдикалисты ведут борьбу самостоятельно, прибегать к заключению коллективных договоров? Конгресс высказался против коллективных договоров; он подтвердил решение первого конгресса S. A. C. 1910 г., согласно которому не может быть допускаемо никакое отступление от основного пункта в вопросе, принцип которого против всех, связывающих на неопределенное время, договоров.

Это решение с'езда возбудило в шведской прессе, особенно в хозяйской, большое негодование. Надеялись, что теперь синдикалистское движение, после того как оно стало массовым движением, будет введено в русло реформизма. Но они обманулись. Синдикалисты объявили перманентную (непрекращающуюся) классовую борьбу. Предпринимательская пресса нашла в этом решении повод для начала кампании против синдикалистов.

Большой интерес на с'езде возбудил вопрос о финансовой поддержке стачек. Раньше стачки поддерживались добровольными пожертвованиями членов. Это, однако, приводило к недовольству, так что в прошлом году референдумом было введено обязательное отчисление в стачечный фонд. Противники обязательности внесли на конгрессе предложение снова вернуться к добровольным по-

жертвованиям. После тщательной дискуссии было, однако, постановлено обязательности сохранить. Но так как это решение не получило требуемого большинства (2/3), то вопрос будет перенесен на референдум.

Конгресс постановил усилить печатную пропаганду. В этих делах решено ежедневную газету, выходящую в Стокгольме, поставить, покупкою новых машин, в более лучшие технические условия; ассигновано 20,000 шведских крон на издание новой ежедневной газеты в северной Швеции; затем 8,000 крон на издание газеты в Далекарлии (центральная Швеция). В южной Швеции, в провинции Шонен, также будет выходить газета под названием „Южно-шведский Рабочий“; кроме того федерация строительных рабочих и деревообделочников имеют свои собственные органы. Для укрепления и углубления теории революционного синдикализма, с'езд постановил издавать ежемесячный теоретический журнал под названием — „Синдикалисты“.

Конгресс дал доказательства интернациональной солидарности, — он ассигновал 2,000 крон для бастующих и арестованных норвежских товарищей и послал письменный протест американскому правительству с требованием освобождения Сакко, Ванцетти и всех других классовых борцов. Была принята также резолюция в защиту жертв реакции во всех странах, включая и большевистскую Россию.

Вопрос о членских взносах в М. Т. Р. был решен в соответствии с решением 2-го с'езда М. Т. Р. Демонстрация против войны и милитаризма, назначенная 2-м конгрессом М. Т. Р. на первое воскресенье августа месяца, так-же была принята.

Конгресс, о работе которого мы сообщаем лишь незначительную долю, показывает нам силу и крепнущее значение синдикализма в Швеции. 15 лет тому назад шведские синдикалисты создали независимую революционную классовую организацию, которая ныне так блестяще подтверждает жизнеспособность идей синдикализма. Ныне шведские рабочие в синдикализме сильную твердыню.

(Бюллетень М. Т. Р.)

СТАЧКИ В ДАНИИ.

В течение последних месяцев в Дании происходило интересное забастовочное движение. Как известно, эта страна управляется социал-демократическим правительством со Стаунином во главе. Это обстоятельство, однако, не только ничего не дало рабочему классу, но, наоборот, всячески тормозило нормальный ход борьбы рабочих против своих угнетателей.

Переговоры между объединениями работодателей и рабочими организациями Дании, относительно нового коллективного договора, велась еще в начале текущего года. В связи с возобновлением коллективного договора, профсоюзы потребовали 3%-ую прибавку, хозяева же настаивали на понижении заработной платы на 3%. Борьба велась реформистскими рабочими организациями, что было по душе хозяевам. Они потребовали, чтобы Исполнительному Комитету этих реформистских профсоюзов были предоставлены полные права для подписания договоров и постановлений примирительного характера без предварительного контроля, обсуждения или подтверждения

членами профсоюзов. Это требование, со стороны рабочих, показывает насколько они боятся широких масс и насколько они спокойны, когда им приходится договариваться с реформистскими вождями датского профдвижения.

Переговоры тянулись безрезультатно и, в конце концов, хозяева не выдержали и объявили локаут в металлической промышленности. Даже вмешательство законом установленного арбитража и примирительные попытки социал-демократического правительства ни к чему не привели. Казалось, что возможен один лишь исход из создавшегося положения — или всеобщая забастовка, или всеобщий локаут. Реформистские вожди, которые, главным образом боялись риска, связанного со всеобщей забастовкой, всеми мерами старались ликвидировать локаут металлистов и во что бы то ни стало предотвратить всеобщий локаут. Сам датский король был озабочен грозным положением дел и, призвав к себе своего премьер-министра, социал-демократа Стаунинга, предложил ему принять все

зависящие от него меры для предотвращения локаута. Тогда правительство взяло в свои руки переговоры. Но и эта попытка примирения была тщетной. Единственно что было достигнуто — это компромиссное предложение арбитража, которое было передано на решение всех членов профсоюзов, т. е. на референдум. Лишь несколько маленьких союзов голосовали за предложенный компромисс, большинство же крупных союзов решительно его отвергло.

Тогда хозяева решились на последнее средство: они объявили всеобщий локаут. Около ста тысяч рабочих были выброшены на улицу. От этого локаута главным образом страдал Союз Черноработчих. Председатель этого союза, Лингси, выпустил воззвание ко всем союзам Дании, а главным образом к работникам транспорта, с призывом объявить стачку солидарности. Но вожди этих профсоюзов, находящиеся в тесной связи с социал-демократическим правительством, не хотели ответить на этот призыв и отложили решение этого вопроса до ближайшего общего собрания всех профсоюзов. Такое откладывание очень скверно повлияло на силу сопротивления рабочих и лишний раз видно было на сколько политические соображения действуют отрицательно, когда они берут верх над экономическими интересами трудящихся.

Когда настал день общего собрания, то оно приняло характер личной борьбы между председателем Федерации Профсоюзов Дании, Мандсеном, и вождем Союза Черноработчих, Лингси. После обоюдной ругани, пришли к половинчатому компромиссу, который никого удовлетворить не мог.

Однако, несмотря на все препятствия и тормазы, транспортные рабочие вошли в стачку в знак солидарности с черноработчими. Это сильно возбудило марксистских правителей, и правительство Стаунинга захотело немедленно вмешаться в конфликт, но стачечники бесцеремонно заявили премьеру, что он им абсолютно не нужен. С своей стороны министр земледелия вел переговоры с вождями Союза Черноработчих относительно беспрепятственного провоза сельско-хозяйственных продуктов, предназначенных к экспорту. И хотя тот-же Лингси обещал обеспечить транспорт для этих продуктов, сами транспортники отказались работать, и экспорт был приостановлен.

Тогда капиталисты потребовали предоставления в их распоряжение отрядов технической помощи, т. е. организации штрейкбрехеров. Эти отряды вступают в исполнение своей роли лишь по особому декрету правительства. Социал-демократы не решились открыто идти на этот

шаг, но попробовали устроить это обходными путями. Социал-демократический министр юстиции, Штейнке, обещался предоставить полицейскую защиту всем тем, кто желает работать. Не желая немедленно пустить в ход это решение, он обратился к профсоюзам с предложением поддерживать порядок и законность во время рабочих беспорядков. Ему бы это очень легко удалось, т. к. большинство профсоюзных вождей привязаны к той-же идеологической веревочке, что и члены правительства. Но транспортники, которые гораздо более радикально настроены, отбросили это предложение с отвращением.

К концу мая, к забастовочному движению присоединились и работники водного транспорта. Хозяева поняли, что дело принимает крутой оборот и согласились, наконец, вести переговоры с рабочим классом Дании. Эти переговоры привели к соглашению о повышении заработной платы на 3 öге в час (3 öге—0,03 датской кроны — приблизительно 1/6 сента). Это соглашение было принято, со стороны рабочих представителей, 17-ю голосами против 10-ти. Локаут был снят; этим самым и ликвидировалась забастовка солидарности.

Вышеуказанное повышение на 3 öге в час рассматривается реформистскими вождями профессионального движения, как большая победа; рабочие-же крайне недовольны и считают, что достигнутое соглашение имеет лишь временный характер, до поры до времени...

Особенно интересно отметить линию поведения социал-демократического правительства. В день обсуждения упомянутого соглашения, социалистическое министерство предложило королю декретировать *провизориум*, в случае, если рабочие беспорядки, вследствие отклонения рабочими условий хозяев, продолжатся. *Провизориум* этот — не более, не менее, как прокламирование известного рода диктатуры с социалистическим правительством Стаунинга во главе.

Достигнутое соглашение задержало проведение этого „демократического“ мероприятия. Однако, говорят, что угроза провизориума повлияла на принятие условий...

Борьба против рабочего класса одинакова, независимо от того ведется ли она под лозунгом диктатуры Муссолини, диктатуры социал-демократических провизориумов, или „диктатуры пролетариата“. Все они ведут борьбу против экономических интересов трудящихся, защищая одновременно государство и тот класс, который руководит этим государством.

А. Ш.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В КИТАЕ. — БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПОРЯДКИ В ХАРБИНЕ.

(От нашего корреспондента).

В Харбине на политическом горизонте полный застой, только в китайских кварталах наблюдается интенсивная деятельность вояжков, которые открыто и твердо, без устали, по целым суткам разъясняют рабочим массам значение народного движения в стране; производятся денежные сборы в пользу шанхайской забастовки. Небывалый подъем народного негодования превосходит любое боксерское восстание, видно, что это делается не ради простой шутки. Из речей вояжков видно, что эта всеобщая забастовка кончится кровавой революцией в Ки-

тае*).

В русских же рабочих кварталах, в особенности в районе механических мастерских К.-В. ж. д., большевистско-китайской властью запрещено собираться больше трех человек. Пресса всех оттенков по-прежнему стоит под сапогом царского жандарма, всякое уклонение карается штрафом или газета закрывается совсем. Но не исключена возможность устранения всяких недоразуме-

*) Последние события не подтверждают этого взгляда. — Редакция.

ний посредством хорошей взятки, это здесь обычное явление.

Руководители местных профсоюзов не выбираются из членов, а присылаются сюда Москвой. Поэтому на общих собраниях, которые бывают здесь очень и очень редко, принимается уже заранее приготовленная резолю-

ция. Прием резолюция очень прост, — председатель спрашивает: „кто против?“ Конечно, все отвечает гробовым молчанием и резолюция считается принятой. Всякое возражение карается выставкой из союза.

Вот в такой обстановке находятся все рабочие.

Чжан-шу-мин,

РЕЗОЛЮЦИИ ВТОРОГО СЪЕЗДА М. Т. Р.

1. О преследованиях.

Второй Конгресс М. Т. Р. с ужасом отмечает беспрепятственные преследования, жертвами которых в течение долгих лет являются революционные борцы всех стран.

Конгресс протестует против преследований, которым постоянно подвергаются наши товарищи, и требует освобождения всех жертв классовой борьбы и социальной реакции.

Преследования революционеров в России должны вызвать особо энергичный и торжественный отпор со стороны мирового пролетариата, ибо удущение мысли, со стороны, так называемого, *советского социалистического режима*, является в тысячу раз более отвратительным преступлением. Конгресс напоминает всем своим отделам, что агитация за освобождение революционных узников, томившихся в большевистских тюрьмах, ни в коем случае не должна быть ослаблена.

Конгресс шлет заключенным товарищам всех стран свой братский привет, и уверяет их, что революционные синдикалисты сделают все от них зависящее, чтобы вырвать их из тюрем.

2. Отношение к различным политическим партиям и к международной реакции.

I

Второй Конгресс М. Т. Р. вновь высказывает мысль, зафиксированную уже в статутах М. Т. Р.,

Что хотя экономические организации пролетариата и способны бороться за экономические улучшения в рамках существующего строя и завоевывать таковые, но только одни лишь революционные противобластные рабочие организации представляют собою ту естественную и действительную форму, посредством которой возможно будет предпринять переустройство экономической и социальной жизни на основах свободного коммунизма;

Что политические партии, каким бы именем они не назывались, никогда не могут быть движущей силой экономического переустройства, так как их деятельность развивается исключительно в направлении захвата государственной власти;

Что одной из основных задач рабочего движения является не захват власти, а уничтожение всякого властического и централистского организма в социальной жизни, ибо независимость рабочего класса есть главное условие осуществления его конечной цели.

Кладя эти принципы в основу своей деятельности, Конгресс считает, что малейшая попытка подчинения профсоюзов каким бы то ни было политическим партиям неизбежно удаляет рабочий класс от его собственных целей и стремлений, и что, таким образом, всякое соглашение между экономическими органами рабочего класса и

политическими партиями — опасно и вредно.

Конгресс, однако, опровергает ложное понятие, благодаря которому ставятся на одну и ту же доску партии, стремящиеся к политической власти и идеологические группы, действующие в направлении социальных изменений и отрицающие власть и государственность.

Стоя перед таким грозным для мирового пролетариата положением, Второй Конгресс М. Т. Р. считает, что долго революционных синдикалистов является:

Продолжать энергичнее, чем когда-либо, дело перегруппировки синдикалистской семьи на основе принципов революционного синдикализма, изложенных в статутах М. Т. Р.;

Не участвовать ни в какой комедии единства продвижения, предпринятого теми, которые хотят задуть рабочее движение, делая его игрушкой в руках разных политических партий;

Объединить вокруг М. Т. Р. все революционные антигосударственные силы всего мира.

II

Конгресс считает основные свободы: печати, слова и собрания, необходимыми для рабочей борьбы.

Эти свободы являются результатом прошлых революций; защита или отвоение их всегда соответственным силе противодействия организованного пролетариата. Таким образом, эти завоевания являются драгоценным наследием, которое всемерно следует расширять, и которое никогда не должно быть отдаваемо под покровительство какого бы то ни было правительства.

Конгресс констатирует, что революционный синдикализм, в понимании М. Т. Р., застрахован от заразы компромиссов с партией или организацией, преследующей захват власти; он застрахован от этого даже и тогда, когда его действия в борьбе против военной или буржуазной диктатуры будут совпадать в известном пункте с действиями других политических сил. Что же касается революционной борьбы против большевистской диктатуры, то Конгресс решительно высказывается против всякого соглашения, хотя бы и временного характера, с какими бы то ни было государственно-чиновническими элементами или организациями.

Случайные совпадения не должны создавать иллюзии, что демократическая буржуазия, как бы революционна она не была в некоторые моменты, имеет возможность, желание или интерес вернуться к своим старым революционным традициям. Появление рабочего класса на поле социальной борьбы, в качестве организованной силы, заставило даже либеральную буржуазию стать упорной защитницей диктатуры, несмотря на то, что она высказывалась против таковой в теории.

Конгресс считает, что пролетариат, при всяких обстоятельствах может быть обманут, если он, вместо то-

го чтобы использовать демократическую оппозицию ко всякой диктатуре, станет оружием этой демократии; при этих условиях он не только не извлекает никакой пользы, но, наоборот, станет пленником политических последствий, вытекающих из сделанного им компромисса.

Конгресс призывает рабочий класс тех стран, которые придавлены диктатурой, сохранить веру в идею классовой борьбы. Там-же, где временные условия не позволяют правильное функционирование профессиональной жизни, Конгресс предлагает группироваться по месту работы — на фабрике, на полях, при транспорте, — ибо истинная борьба против диктатуры не только совпадает с рабочим восстанием по всей производственной линии, но окажется и основным условием всякого восстания против нее.

3. Повседневная практическая борьба.

Принимая во внимание, что М. Т. Р. считает своей основной и главной задачей уничтожение всякого рода наемного труда и государственного угнетения, которое может быть достигнуто лишь сознательно организованным и революционно настроенным рабочим классом;

Что практическая борьба за завоевание лучших условий жизни трудящихся в рамках существующего общества имеет огромное значение и необходима, как с материальной, так и с нравственной точки зрения, для развития революционной самостоятельности рабочего движения;

Что ликвидация безработицы, делающей нестерпимой жизнь миллионов трудящихся, становится ударным вопросом в настоящее время;

Что безработица является, отчасти, результатом перепроизводства, которое в свою очередь есть результат того, что производство организуется не в зависимости от удовлетворения насущных потребностей народа, а в зависимости от интересов капитализма и низкого уровня покупательной способности заработной платы;

Что этот мнимый излишек в производстве достигается благодаря научным усовершенствованиям в методах машинного производства;

Что успехи машинной техники необходимо должны идти рука об руку с пропорциональным сокращением часов рабочего дня, ибо даже при капиталистической системе, прибыль от таких изобретений не должна идти в исключительно пользу сегодняшних захватчиков общественных богатств;

Принимая также во внимание, что, согласно наиболее достоверных данных науки, восьми-часовой рабочий день в современной промышленности требует расхода жизненной энергии и внимания в степени во много раз превышающей физическую сопротивляемость человеческого организма, и что в некоторых промышленных предприятиях отдельных стран уже введен шести-часовой рабочий день, —

Конгресс постановляет, что М. Т. Р. поддержит всеми имеющимися в его распоряжении средствами всякое действие и всякую борьбу, направленную к улучшению положения рабочего класса. Конгресс призывает всех трудящихся принимать активное участие в борьбе за шести-часовой рабочий день

4. План Дауэса.

Конгресс самым категорическим образом осуждает план Дауэса, являющийся лишь завершением позорного

Версальского Договора и носящий, как и последний, на своем челе печать империалистической политики. Этот план, конечной целью которого является предоставление определенным категориям тяжелой капиталистической индустрии и ряду международных банков гарантий владения над всем миром, ни в коем случае не может считаться гарантией мира, наоборот, он — источник беспрерывных экономических конфликтов, могущих в любой момент вызвать новую войну.

Международный империализм, душающий рабочий класс Германии, в тоже время угрожает пролетариату всех других стран, ибо систематическое ухудшение Германии неизбежно приведет остальные страны к цепи беспрерывных экономических кризисов, в результате которых рабочий класс будет жертвою аппетита международных эксплуататоров. Этот план одновременно ведет к катастрофическому усилению национальной реакции во всех странах и развивает у народов преступную ненависть друг к другу.

Перед лицом рабочего класса всех стран, конгресс осуждает позорную тактику, так-называемых, рабочих партий и их прихвостней профессиональных реформистских организаций, которые, благодаря утверждению ими плана Дауэса, поддержали по всей линии планы империалистической реакции, давая, таким образом, имущим классам Германии возможность обогащаться в неслыханных размерах — вопреки плану Дауэса — за счет лишения и голода трудящихся масс.

Оставаясь верным заветам Первого Интернационала, Конгресс считает, что интересы международного пролетариата диаметрально противоположны интересам буржуазии, и что, таким образом, всякое соглашение между представителями капитализма и рабочего класса, — как это делается, так-называемыми, политическими партиями — неизбежно приведет к полному предательству освободительной идеи пролетариата.

Конгресс призывает все организации, примыкающие к М. Т. Р., провести во всех странах широкую пропаганду, с целью разъяснения трудящимся всего мира истинного характера империалистической политики капитализма, так отчетливо выявленной в плане Дауэса, и путем общих действий подготовить массы к противодействию надвигающейся опасности.

5. Синдикалистская молодежь.

Синдикалистские организации рабочего класса постоянно обновляются молодыми элементами. На место тех, кто падает в борьбе, или кто слишком стар, чтобы ее продолжать, приходят молодые элементы, вносящие в профсоюзы свою свежую энергию, свою веру и энтузиазм; они представляют, таким образом, авангард в борьбе рабочего класса против капитализма.

Синдикалистская молодежь представляет собою то здоровое ядро, на которое пролетариат возлагает свои надежды в деле победы социальной свободы и равенства, ибо, именно, на синдикалистскую молодежь, несомненно, падает вся тяжелая ответственность последней битвы за освобождение и экономическое переустройство общества производителей.

В виду этого, М. Т. Р. и все примыкающие к нему организации обязаны уделить особое внимание молодежи в синдикалистском движении, развить в ней благо-

родные и великодушные чувства, дух солидарности и самопожертвования; возбудить в ее душе страсть к полезному труду и к изучению техники производства и специальных экономических вопросов, так, чтобы в будущем она была в состоянии использовать свои знания и техническую и экономическую подготовку для дела освобождения того класса, к которому она принадлежит.

Для выполнения этих задач съезд предлагает:

а) учредить специальные школы или курсы, где молодежь могла бы закончить свое учение, в особенности в области знания их собственного ремесла и изучения основных начал социального хозяйства;

б) издать ряд брошюр и книг в доступном для молодежи изложении; органы борьбы и полемике не пригодны для этой цели;

в) вести широкую воспитательную пропаганду: это единственный способ борьбы против буржуазной идеологии, основывающей свой престиж на властвовании и на деспотическом государстве;

г) энергично противодействовать чрезмерному увлечению спортивной хихорадкой, так как спорт ныне стал в руках капиталистов орудием отвлечения молодого поколения от классовой борьбы и, кроме того, он препятствует умственному развитию;

д) вызвать у молодежи интерес к участию в рабочем движении, каждый в зависимости от своих сил и способностей, чтобы оживить профсоюзы здоровыми элементами, неподдающимися влиянию рутины тех, которые больше уже не отражают ни мысли, ни чаяний рабочего класса;

е) принять энергичные меры к созданию юношеского движения в синдикалистских рядах там, где таковое еще не существует;

ж) сблизить молодежь всех стран путем созыва международных конференций.

6. Комитеты действия.

Второй Конгресс, в целях постановки международной деятельности М. Т. Р. на твердую почву, предлагает следующее:

1) Каждая национальная организация, примыкающая к М. Т. Р., избирает из своей среды Комиссию Международного Действия, председателем которой является представитель в Административном Бюро М. Т. Р. или кандидат в него. Эта комиссия предпринимает необходимую работу по проведению в жизнь практической поддержки необходимой революционному пролетариату других стран в их борьбе или агитации, выходящей за пределы границ одной страны.

2) Национальное объединение страны, непосредственно заинтересованной в скорейшей международной поддержке, сообщает срочно секретариату М. Т. Р. подробности о создавшемся кризисе и о возможных формах поддержки со стороны М. Т. Р.

3) Секретариат М. Т. Р. тотчас же рассылает Комиссиям Международного Действия, созданным при организациях, входящих в состав М. Т. Р., (или же, в тех случаях, когда комиссии еще не созданы, самим организациям), все необходимые материалы вместе с переданным ему предложениями и теми, которые Административное Бюро или Секретариат считают подходящими.

4) Комиссии, в зависимости от характера деятельности, которую они решают развить, должны стараться привлечь другие рабочие, пролетарские, революционные или иные организации к участию в предпринятом ими деле.

5) Комиссии представляют, избравшим их национальным организациям, ежемесячные отчеты о своей деятельности; копия такого отчета посылается Секретариату М. Т. Р.

Само собой разумеется, что в случаях преследований, арестов или событий, сообщаемых телеграфными и иными агентствами, требующих немедленного отпора со стороны пролетариата всех стран, Комиссии Международного Действия должны незамедлительно предпринять меры, продиктованные каждым отдельным случаем, не ожидая циркуляров и разъяснений М. Т. Р.

7. Международные производственные федерации.

Второй Конгресс М. Т. Р., выслушав отчеты с мест о необходимости создания тесной связи между производственными объединениями или корпоративными организациями разных стран, постановляет на первых порах создать следующие три секретариата:

1) Международный секретариат водного транспорта, через посредство Федерации Водного Транспорта Голландского Синдикалистского Объединения Профсоюзов.

2) Международный секретариат металлистов, через посредство Федерации Металлистов Вольного Рабочего Союза Германии (анархо-синдикалистов).

3) Международный секретариат строительных рабочих, через посредство Федерации Строительных Рабочих Всеобщей Конфедерации Труда Португалии.

Секретариат М. Т. Р. должен следить за возможностью своевременного создания подобных секретариатов и в других производствах.

8. Международная комиссия по изучению вопросов рабочего движения.

Принимая во внимание, что развитие мирового кризиса все больше заставляет пролетариат всех стран задумываться над практическим разрешением политических и экономических задач, ведущих к полному распределению трудящихся;

Что изучение этих задач становится, таким образом, одной из насущнейших обязанностей революционного рабочего движения,

Второй Конгресс М. Т. Р. постановляет создать Международную Комиссию по Изучению, целью которой является:

Разработать ряд трудов о разных видах рабочего движения, о формах борьбы против мирового капитализма и о способах разрешения политических, экономических и социальных проблем, стоящих перед пролетариатом, борющимся за свободный коммунизм.

Секретариату М. Т. Р. поручается принять все меры к изданию трудов комиссии или самому непосредственно, или через национальные объединения и по возможности на многих языках.

РОССИЯ

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС.

ДОНЕЦКИЙ БАССЕЙН. Долгое время рабочие каменных рудников испытывали жилищный кризис. Шахтеры ютились по 2—3 семьи в одной квартире. („*Правда*“ ном. 122).

ВЯТКА. Вятские рабочие до сих пор терпели и терпят жилищную нужду. Наиболее нуждаются в жилищах железнодорожники, текстиль, кожевники, грузчики, спичечники и др. („*Правда*“ ном. 122).

МОСКВА. (Государств. завод Красный Перун). Многие из наших рабочих до сих пор обретаются кто в шатких хижинах, кто в сырых подвалах, а некоторые живут в полуразрушенных домах, дни существования которых счетены, и дальнейшее житье в них невозможно. („*Правда*“ ном. 122).

Рабочие завода Мосдрева им. Рыкова живут в очень скверных жилищах. („*Правда*“ ном. 122).

ОДЕССА. (2-й и 5-й госкожзаводы). Половина наших рабочих живет в хороших квартирах, 27 процентов в удовлетворительных, а 23 процента нуждаются в немедленной перемене жилища, т. е. условия, в которых они живут, совершенно непригодны для здоровья.

Плохо обстоит дело с жилищными условиями 2-го госкожзавода имени Ленина, которые живут далеко от своего предприятия и в плохих помещениях. („*Правда*“ ном. 124).

ЛЕКИНО (Московской губ.). Жилищный вопрос у лекинских текстильщиков стоит чрезвычайно остро. Есть комнаты в казармах, где ютятся по 9—10 человек, спать приходится на полу.

Во второй казарме, где живут 40 семей, погнузлись прогнившие балки, которые своевременно не смогли заменить новыми, и сейчас две комнаты находятся в опасности. Дом Доброва, где живут одиночки, представляет из себя какой-то грязный барак: окна без стекол, заткнуты сеном, сени развалились, навес каждую минуту может рухнуть. Еще и еще целый ряд таких же домов и казарм, которые требуют капитального ремонта. („*Правда*“ ном. 126).

ЗАВОД „ЭЛЕКТРОУГОЛЬ“ (Богородского уезда, Московской губ.). Много писалось о нашем заводе в местной уездной газете, в „Рабочем Химике“, но все это не действует. Насчет жилья рабочих вряд ли где есть хуже, в особенности в общежитии. Помещение низкое, душное, форток нет, сырость от плиты — хоть топор вешай, койки деревянные и клопов не оберешься.

Все в грязи, одежде и ту приходится класть на койку, так как вещей недостает. Освещение первобытное. Мы сидим с копилками. („*Правда*“ ном. 126).

Пленум Уралобласткома горнорабочих.

Жилищный вопрос стоит у нас, горнорабочих Урала, очень остро. Голодная норма на человека — 8 квадратных метров, а мы в среднем имеем по Уралу 4,18 кв. метра. А если взять прииски Джетыгару (Уралозолото), то там приходится на одного человека 2,9 кв. метра. („*Труд*“ ном. 119).

УСЛОВИЯ ТРУДА И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

ЖИТОМИРСКИЙ ОКРУГ. (Волин. губ.) Рабочие сахарного завода „Коллективный труд“ получают зарплату исключительно ордерами в кооператив. И когда нужны наличные, им приходится за 5 рублей давать 10 руб. ордерами. („*Правда*“ ном. 122).

ДОНЕЦКИЙ БАССЕЙН. Служащие алчевского кооператива всегда перерабатывают лишние часы, но платы за это не получают. В ответ на их требование администрации угрожает сокращением. („*Правда*“ ном. 122).

Закладываемый круг.

По установившемуся в последнее время порядку, от вновь поступающих на работу требуется предъявление профсоюзного билета, а для приема в профсоюз удостоверение о нахождении на работе. („*Правда*“ ном. 152).

Признание Зиновьева.

Хорошо у нас дело идет; однако, и сейчас мы не имеем еще 100 проц. довоенной зарплаты. („*Правда*“ ном. 146; речь Зиновьева).

12-часовой рабочий день.

Областная конференция горняков (Ленинград) констатирует, что на Онежских диабазовых разработках работают до 12 часов в день и еще вырабатывают норму.

Не возражай, иначе худо будет.

(Московская губерния и уезд, Коловская волость, фабрика б. Саксе).

Не только секретарь ячейки не имеет в рабочей массе доверия, а и все бюро и вообще ячейка, за исключением отдельных немногих товарищей партийцев.

И не может быть доверия, когда есть такие факты: в течение последнего года восемь коммунистов крестили своих детей у попа при участии секретаря.

Один член бюро ячейки при отправке отпустников, под пьяную руку в присутствии ста рабочих нанес побои отпустнику и за это не понес должной ответственности. Его только на время отвели из состава бюро ячейки.

Директор ф-ки Макушкин набил кровоподтеки рабочему-ленинцу Баранову. Директора привлекли к ответственности, а Баранов был поставлен в такое положение, что вынужден уйти с фабрики.

За хороший, правильный и серьезный номер стенной газеты (это признано „Рабочей Газетой“ и укомом) рабкора коммуниста тов. Сергеева пытаются переборщить. Сергеев ведет честную линию, а ему приклеивают ярлык „сергеевщина“, всякие группировки для того, чтобы от него отделиться.

Сейчас кружок рабкоров разваливается, рабочие уже не дают материал и не будут давать, потому что ни у кого нет охоты попасть под сокращение.

Чтобы наша дирекция и бюро ячейки ни делали, ты молчи, не возражай, иначе будет худо.

Настроение рабочих от этого самое безотрадное... — („*Правда*“ ном. 153).

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Условия нарымской ссылки.

(Из письма).

Рубинчик в нарымской ссылке... Денег ему не будем пересылать, потому что он там все равно ничего не может купить: в этом крае с весны и до осени питаются исключительно рыбой и сыльные буквально голодают. Во всех окрестных деревнях нельзя найти ни одной картошки, ни единой крупинки муки, неговоря уже о таких вещах, как масло и молоко. Ему немедленно выслали ряд посылок с продовольствием, которого ему хватит на месяц минимум. Приходится при этом учитывать, что он кормит двух сыльных товарищей, которые ничего не получают. В будущем придется поступать так: высылать ему деньги на мелкие расходы только, а основную сумму тратить на продовольственные посылки. В этой глущи нет даже почтового отделения.

Письмо сыльного.

Дорогие друзья!

Я уже неоднократно писал вам, а на счет ответа не совсем благополучно, кто виновник этому нам неизвестно. Все же хочется писать и получать, это же единственное, чем мы дышем теперь.

Последнее, что получили от вас, это было 2 номера английских журналов.

Что же вам писать? Писать очень, очень много, но не хочется вести переписку с секретным отделом. Ломаю голову, как избежать этого, но ничего не выходит... С чего же начать? Я сам не знаю. Хотелось бы не писать, а говорить, и говорить беспрестанно, потому что говорить есть о чем, так что кажется, что конца не было бы нашему разговору...

Последнее время мы стали получать мало сведений от друзей из Соловков, давно ничего не получали. Вот, прошел уже месяц как туда отправили общую передачу, не скажу большую, но по своим силам, а от других друзей, которые находятся в вольном заточении, ответа нет. Иногда слышим кое-что. В общем, кажется, что реакция увеличивается, а может быть и не так; знаете поговорку: когда больному не становится лучше, то ему кажется, что его болезнь становится хуже. Кроме арестов, обысков, издевательств и перебросок из одного места в другое, — мы ничего не знаем, а в ближайшем будущем тоже ничего хорошего не видать; повторяю, быть может, я ошибаюсь. Надо принять во внимание то, что мы здесь настолько проникнуты пессимизмом, что нам на самом деле трудно найти чтонибудь ободряющее. От Вани давно не получали писем, мы не знаем, что с ним и где он*). Николай Беляев получил три года ссылки в Архангельский край и уже там.

Из Усть-Сысольского, Коми-Зырянского края, мы узнали, что там есть ссылка в 30 человек, из них 12 наших. Одного из наших мы знаем, его фамилия Клиничев.

Недавно получили сведение от одного товарища мо-

*) Речь идет о тов. Тарасюке, о его судьбе мы писали в прошлом номере. Сослан в Архангельск.

скачива, что, благодаря предупредительности московских властей, он очутился в Чикменте. Вы, наверное, не знаете, где Чикмент, и что он собой представляет? Чикмент находится на земном шаре, — это факт, в политическом отношении он будет волостною столицей Киргизской социалистической республики...

Товарища Александра Покровского перевели из одной столицы в другую. Большой разницы в столицах не чувствуется; (верно, что в Москве больше городских и чекистов, но за это Москва коммунистическая. Хорошо известно, что — падет Москва и крышка Чикменту). Товарищ там устроился, нашел себе друзей и жизнь его вошла в колею, а, как вам известно, у чекистов имеется правило: раз поймали жертву, то нужно ее замучить. Причина? Ответ: ничего, замучим, а причину найдем. Приходят и заявляют ему, что его переселяют в новое государство, а именно: в Алатау Кара — Киргизскую республику, а на вопрос почему эта переброска, они отвечали, потому что Покровский переписывается. Появляясь с нового места товарищ пишет, что положение скверное, надо начать все снова, там он один.

Очень много примеров можно привести насколько Г. П. У. идет на встречу нашим товарищам. Факт с Рубинчиком вам, наверное, известен. Он жаловался, что ему в Томске нельзя поступать на службу, а так же лечиться не может; ну, что делает Г. П. У.? — надо же удовлетворить требования социалиста — его выслать в Нарымский край; — справедливо, не так-ли?! Еще один случай в Туркестане: прошлой осенью со скандалом отправили товарища, которая была в Ташкентской ссылке, Леся Писаревская ее фамилия. Первое время ей пришлось сильно изнемогать, пока привыкла к местным условиям, а когда положение стало нормальным, ей заявляют, что она должна перебраться на другое место. На вопрос — „почему“, обыкновенно следует ответ: „секрет“. Не ее одну оттуда выслают, с ней еще и других; там думают, что это в связи с приездом туда чекиста.

Леся сообщила о своейсылке в Скобелев; она пишет, что если ей нельзя оставаться на месте, то было бы для нее желательно, чтобы ее перевели в Н., где имеется для нее возможность достать работу. Характерный инцидент получился в связи с этим: один из ташкентских сыльных пошел в Г. П. У. говорить по этому поводу, он им говорил свое мнение о целесообразности действия Г. П. У., а их возражения таковы: „смотрите, ваш разговор может повлиять на наше благополучие“; товарищ им ответил: „мое благополучие находится в ваших руках, а поэтому на нем уже давно крест поставлен“. Из этого видно, что у них все делается в большинстве случаев, просто, по капризу...

В Харькове были недавно аресты, из арестованных мы знаем только двоих: Мишу Аксельрода и Марка Нехамина. Аксельрода на днях отправили в Москву, а что будет дальше с ним не знаем, но, все равно, без приговора не обойдется. Ребята, которые со мной вместе, просили писать, что они выслали товарищам деньги из тех, которые были высланы вам. Послал Юрченко 10 руб. в Архангельск и 20 руб. Тимским. У них самих нужда не ощущается пока...

Сыльным.

Жизнь организации И. Р. М.

СРЕДИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ. (СОЮЗ № 110).

Оживление деятельности в организации И. Р. М., для капиталистической прессы страны и в особенности тех мест, где И. Р. М. ведут усиленную агитацию и организационную работу, всегда является поводом, чтобы возвести на организацию кучу неблиз и клеветы, вообще же, в таких случаях буржуазная пресса во-всю старается подорвать влияния И. Р. М. и натравить против них неорганизованные рабочие массы. Члены союза сельскохозяйственных рабочих, как бы в ответ на эту травлю, продемонстрировали замечательную солидарность в своей работе; их деятельность воочию доказала неорганизованным рабочим, что, в сущности, вся борьба И. Р. М. ведется в пользу тружеников, и что она направлена против хозяев. Благодаря предпримчивости и энергии членов союза сельскохозяйственных рабочих, без особых усилий были устранены все те препятствия, которые, казалось, могли серьезно мешать организационной работе. Ввиду это, объединенные силы капитала прибегли к репрессиям и преследованиям членов И. Р. М.

Полевые рабочие — народ, в своем большинстве, кочевой. Они, в зависимости от сезона уборки, переезжают из одного штата в другой, постепенно продвигаясь с юга на север. Во время передвижения они, обычно, пользуются товарными поездами, не платя за проезд, так как не желают тратить на билеты тяжело заработанных денег. И вот, когда волны этих кочевников, организованных в союз И. Р. М., начали прибывать к пределам штата Норт Дакоты, житницы Соединенных Штатов, железнодорожная администрация не преминула напустить на них своих стражников, которые начали арестовывать едущих товарными поездами на полевые работы.

В начале августа месяца в Фарго, Норт Дакота, было арестовано 22 члена сельскохозяйственного союза. Их посадили в тюрьму и выдвинули против них обвинение в нарушении закона о присвоении частной собственности. Но дело на этом не кончилось. Проживающие в городе Фарго члены союза немедленно созвали митинг, обсудили вопрос и предъявили требование о немедленном освобождении арестованных. Штатный прокурор, господин Горнер, являясь послушным слугой администрации Норт-Дакоты, отказался удовлетворить это требование. После этого комиссией, избранной для защиты арестованных, была выпущена прокламация к рабочим и жителям города с объяснением того, что никто ничего не выиграет от заключения рабочих в тюрьму, труд которых нужен для уборки хлеба. Кроме этого был объявлен бойкот всем торговым предприятиям в городе Фарго, собственники которых дали молчаливое согласие на аресты и заключение в тюрьму рабочих, бесплатно приезжающих на полевые работы.

В результате всего этого в Фарго полицией была устроена облава на членов И. Р. М.; число арестованных доходит уже до ста человек. Все арестованные посажены в тюрьму; под залог выпущены лишь несколько членов комиссии.

Борьба разгорелась во-всю. Это не ново для членов И. Р. М. Они пережили много гонок и вышли из них победителями. Нужно приложить все усилия к тому, что-

бы и эта борьба кончилась победой для И. Р. М. И это так и случится, мы в этом не сомневаемся. Сила на стороне организованных рабочих. Нужна только солидарность и энергия в борьбе, а эти качества не отсутствуют у членов сельскохозяйственного союза И. Р. М. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что они твердо стоят на своих требованиях и что места арестованных занимают новоприбывающими из других мест и городов.

В этом году организационная работа союза сельскохозяйственных рабочих № 110 распространилась и на Канаду, где, согласно получаемым сведениям, работа союза идет успешно.

В городе Калгари, в провинции Альберта, организован новый отдел. Калгари очень важный пункт для организации, так как отсюда тысячи рабочих разъезжаются на работы и они теперь могут получать нужные сведения о положении дел на местах и о состоянии заработной платы, кроме того этот пункт может стать центральным пропагандистским пунктом И. Р. М. среди сельскохозяйственных рабочих Альберты.

Из Муз Жау, провинция Саскачевань, сообщают, что королевская конная полиция, городские власти и наемники Тихоокеанской железной дороги объединились с целью парализовать организационную работу И. Р. М. в этом районе. Митинги в городе запрещены, а должностным лицам отдела союза № 110 И. Р. М., власти заявили, что они будут ответственны за все беспорядки, которые могут возникнуть среди полевых рабочих.

Пару лет тому назад ни один более или менее известный член или организатор И. Р. М. не выпускался в город и высматривался иммиграционными властями, как нежелательный элемент. Теперь дело приняло другой оборот. Закон о высылке изменен, а главное, большинство активных работников — канадские граждане и метод депортации к ним не может быть применим. Благодаря этому работа И. Р. М. здесь ведется широко и распространяется много литературы на различных языках.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ.

САСКАТУН, Саск. Канада. — В этом городе помещение И. Р. М. находится в самом центре рабочего рынка, 307 авеню А. В нем помещается отдел сельскохозяйственных рабочих, лесных рабочих и строительных рабочих. Помещение хорошо и удобно оборудовано. Мы приглашаем всех рабочих посещать наше помещение, где они могут получить литературу и периодические издания организации. — *С. Скарлет.*

ПРИНЦ РУПЕРТ, Б. К., Канада. — Здесь кроме отдела строительных рабочих № 310, функционирует также и скандинавский отдел. Помещение находится под но-

мером 325 Секонд авеню вблизи Тотэм Пол. Собрания бывают по средам и воскресеньям в 8 час. вечера. — *Организационный Комитет.*

ПОРТЛАНД, Орегон. — Помещение И. Р. М. в этом городе находится на углу Борисайд и 5-ой улиц. И. Р. М. каждую неделю устраивают различные предприятия и дискуссии на темы по интересным для рабочих вопросам. В помещении всегда имеются рабочие журналы и газеты на различных языках. За подробностями обращайтесь к секретарю. — *Г. Кларк.*

КОНФЕРЕНЦИЯ в Судбури, Онт., Канада. — Конференция союза лесных рабочих № 120 И. Р. М. назначенная на 7 августа, отложена до 22 декабря. Отделы и члены, не могущие иметь представительства на конференции, приглашаются присылать свои соображения и предложения, а также и резолюции по почте. — *Дж. Голден.*

МУЗ ЖАУ, Саск., Канада. — Здесь открыто новое помещение организации И. Р. М. Адрес: Ривер стрит № 163. В помещении имеется литература по рабочему вопросу и газеты.

САН-ФРАНСИСКО, Калифорния. — Регулярные собрания отдела пищевиков № 460, бывают по первым четвергам каждого месяца в помещении на Эмбаркадеро стрит, № 84. Желательно присутствие всех членов отдела на собраниях. — *Роберт Россель, секр. отдела.*

НОВЫЙ АДРЕС КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ И. Р. М.

Просим всех товарищей принять во внимание, что калифорнийский отдел Комитета Защиты переехал в другое помещение. Новый адрес: 84 Эмбаркадеро стрит, Сан Франциско Калиф.

Корреспонденцию и письма следует направлять на Бакс 574, Сан Франциско, Калифорния.

РЕФЕРЕНДУМ О 17 СЪЕЗДЕ И. Р. М.

Исполнительным Комитетом организации И. Р. М. организован референдум по вопросу о времени созыва 17-го

съезда организации. Члены должны решить быть-ли съезду в ноябре текущего года или же съезд должен быть отложен до следующего года. Опросные листы разосланы по отделам организации.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемые товарищи, не откажите поместить на страницах „Г. Т.“ нижеследующие строки.

Некоторые тов. спросили меня: не намерен ли я отвечать на так-называемые статьи Нестора Махно: „Махновское движение и люди из стана русских анархо-синдикалистов“, появившиеся в истинно-русском и одновременно типично американско-мещанском органе „Рассвет“?

Ясно, на такого рода статьи не намереваюсь отвечать. Считаю, что отвечать на грубую ругань экс-героя, собравшего из писем своих доброжелательных корреспондентов и наставников кучу сплетней, ниже достоинства всякого мало-мальски разбирающегося работника движения.

Своими нелепыми и позорящими его самого сплетнями и выходками, бывший герой, Нестор Махно, показал какова ему цена: она оказалась довольно* низкой... ниже воспой им польской марки.

Не мешало -бы, однако, посоветовать его учителям, воспитателям и монополизаторам — „людям из стана махновщины“ — наекнуть своему ученику по анархизму, что ему не следовало-бы играть на инструментах, не подходящих его темпераменту и отложить перья в сторону. У бывшего героя имеется страсть, кажется, к иным инструментам... *А. Шапиро.*

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА.

В номере 9-10 „Г. Т.“, в статье тов. Максимова: „Позиции анархистов в русской революции“, в первой строке сверху второго столбца 22-ой страницы, *напечатано:* имени члена Секретариата, *а нужно:* имени Секретаря-та.

Под сообщением о смерти тов. Рода („Г. Т.“ № 9-10) вместо подписи *Черняк* должна стоять — *Герасимчик.*

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

Приход:

Остаток на 1-ое мая	\$ 42.89
Подписка	6.50
За проданные номера журнала	23.85
Добровольные пожертвования	1.15
Литература	6.85
Переходная сумма	4.20
Итого	85.44

Расход:

За печатание 2-х номеров „Гол. Труд.“	\$ 105.08
Почтовые расходы	30.60
Переходная сумма	4.20
Итого	139.88
Дефицит на 1-ое августа	54.44
<i>Ревизионная Комиссия.</i>	